

ОЛЬГА МИХАЙЛОВНА ФРЕЙДЕНБЕРГ. ПИСЬМА 1911–1940 ГГ.*Публикации и комментарии**Н. В. Брагинской (ИКВИА НИУ ВШЭ), Н. Ю. Костенко (ИВГИ РГГУ)¹*

Вторая публикация избранных писем О. М. Фрейденберг (см. первую: «Философические письма. Русско-европейский диалог», Т. 2, № 2) охватывает 1925–1940 гг. и всего двух адресатов — это гимназическая подруга Елена Семеновна Лившиц и ученица, впоследствии известный ученый, Софья Викторовна Полякова. В письмах к Лившиц в 1925–1928 гг. Фрейденберг — начинающий ученый, в письмах к Поляковой (1936–1940) — профессор. Но и там, и там взгляд на научную среду непохож на «агиографически-торжественный» стиль воспоминаний учеников и некрологов коллег. К привычке писать пародии и шуточные тексты в кругу гимназических друзей добавляется язвительная сатира свифтского образца. Это острый и заостренно субъективный, но неожиданный и зоркий взгляд на гуманитарную академическую среду Ленинграда.

Ключевые слова: О. М. Фрейденберг, В. В. Струве, В. К. Шилейко, М. С. Альтман, С. В. Полякова, И. И. Толстой, С. А. Жебелев, И. Г. Франк-Каменецкий, Н. Я. Марр, С. Л. Быховская, О. А. Гутан, Н. В. Вулих, Б. Л. Галеркина, эпистолярный.

DOI 10.17323/2658-5413-2019-2-4-304-339**Ольга Фрейденберг — Елене Лившиц,
[Ленинград, 29 июня — 8 июля 1925 г.]**

Контекст первого письма этой подборки таков: в ноябре 1924 г. в Институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ) Фрейденберг представила на публичный диспут, заменяющий в послереволюционное время защиту диссертаций, «Происхождение греческого романа». Хотя все четыре оппонента признали работу «достойной быть допущенной к защите»², диспут под председательством Н. Я. Марра завершился скандалом, вызванным и шокирующей новизной идей, и необычным для академического сообщества

¹ Для сохранения особенностей авторского стиля в некоторых случаях оставлена старая орфография и пунктуация, а также отдельные разговорные формы. *Прим. публ.*

² Сохранившиеся в фонде Ильинского (РГАЛИ. Ф. 211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 358. Л. 1–11; Д. 258. Л. 1–9) отзывы оппонентов, по-видимому не тождественны их выступлению на диспуте и процессуально, но не по содержанию, отвечают тому, что в настоящее время представляет собой коллективный текст экспертизы членов диссертационного совета по допуску к защите; однако эти отзывы, во-первых, индивидуальны, во-вторых, скорее похожи на современные отзывы оппонентов: излагают работу и критикуют ее.

способом их подачи и защиты, а также сложными отношениями внутри научного сообщества. Скандал на диспуте обернулся длительным бойкотом Фрейденберг ленинградской научной общественностью; следуя в репутационном форватере, от нее отвернулись и бывшие друзья, например, Софья Львовна Быховская (1887–1942), которая помогала Фрейденберг как сотрудник Публичной библиотеки в период работы над диссертацией. Именно Быховская рекомендовала Фрейденберг познакомиться с Марром. Не получив после защиты ни места службы, ни поддержки, Фрейденберг была вынуждена зарегистрироваться на Бирже труда, продавать семейные вещи на черном рынке, сильно бедствовала, но продолжала активно учиться и научно работать (подробнее см.: Брагинская, 2017: 22–23). В этот период она интенсивно переписывалась с Борисом Пастернаком, рассказывая о своем бедственном положении и рассчитывая на его помощь как брата и человека, обладающего обширными связями. Но он оправдать ее ожиданий не мог. Вероятно, именно Пастернака она имеет в виду, когда пишет, что «мило болтала» со Струве, почти как с «Борисом»; переписка этого времени с Пастернаком почти не сохранилась, но она, видимо, уже не состояла из обвинений брату. Впрочем, Леонид Осипович Пастернак в сильных выражениях возмущался сыном, быть может, преувеличенно, принимая сторону отчаявшейся племянницы (2 июня 1925 г.) (подробнее см. Пастернак, 2000: 107–123).

Книга, подтверждающая выводы диссертации Фрейденберг, о которой заговорил В. В. Струве, это «Essais de folklore biblique: magie, mythes et miracles dans l’Ancien et le Nouveau Testament» Пьера Сентива (Saintyves, 1922). Книга вышла в Париже, а рецензию на нее Струве прочел в немецком журнале. Много позже описывая эту встречу в своих воспоминаниях, Фрейденберг приводит свое письмо Луначарскому от 6 августа 1925 г.: «Во Франции появилась такая же работа, как моя, и была она встречена с таким почетом, что о ней с похвалой написали немцы, и немецкая рецензия пришла к нам; и один из наших ученых, В. В. Струве, не будучи со мной знаком, был так изумлен сходством двух работ, что дал мне знать о французском авторе» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. б: [40]¹). Письмо наркому, особенно его конец, стоит процитировать. Несмотря на его резкость и пафос или благодаря им, оно возымело некое действие: Луначарский связался с Марром, Марр получил из Москвы ставку научного работника в ИЛЯЗВе, и 1 ноября 1925 г. Фрейденберг была зачислена в штат ИЛЯЗВа на должность научного сотрудника первого разряда. Правда, на месте от

¹ Оригиналы мемуарно-дневникового комплекса Фрейденберг, носящего общее заглавие «Пробег жизни», хранятся в архиве Гуверовского института в коллекции семьи Пастернаков (Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers). В квадратных скобках указаны листы рукописи, электронная версия которой размещена на сайте, посвященном наследию О. М. Фрейденберг (www.freidenberg.ru), еще до передачи в Гуверовский институт. В настоящее время «Пробег жизни» готовится к публикации, и доступ к рукописи ограничен.

В. В. Струве.
Архив О. М. Фрейденберг,
Москва

ставки тайком отняли половину для «нужного человека» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 6: [47 об.]).

Личные письма, иногда обращенные к сильным мира, не раз помогали Фрейденберг в положении, казалось бы, безвыходном. Она умела писать так, что письмо выныривало «из потока» писем вождю народов или в домоуправление. Таким оказалось и письмо Луначарскому, заканчивающееся так: «Личный опыт наблюдения, страданий и преодолений показал мне, что до образования научных ассоциаций гонителем науки была церковь, а после образования — научные корпорации. Единственным орудием независимой научной мысли я признаю только печать. Было бы ниже научного достоинства просить меня о чем-нибудь Вас, как лица, стоящего у власти просвещения. Мне

лично не нужно ничего, и независимость Обводного рынка я не променяю на умственные пути научных вывесок, под которыми смерть и рутина. Свою научную работу я буду продолжать, и истинная научность переживет мои неудачи. Но, беря на себя и в дальнейшем тяжелый труд русского ученого, я оставляю за Вами право на его честь, и считаю своим долгом перед русской наукой поставить Вас в известность о существовании русских научных работ, опережающих заграничные достижения. — Уваж. Вас О. Фрейденберг» (Там же: [40 об.–41]).

Понедельник, 29-го

Слушай, Израиль! Хочешь трескаться? Оцени, как продолжение вчерашних вечерних слов и ситуаций моих.

Поехала в Унив[ерситетскую] библиотеку за книгой мимче¹. Роюсь в каталогах. Пусто. Безлюдно. Жара.

¹ Мимча, миченка — домашнее прозвище матери Фрейденберг, Анны Осиповны.

Вдруг вырастает чья-то мощная фигура. «Позвольте представиться: Струве» (м[ежду] проч[им], председатель в Инст[итуте] Весел[овского], к кому на дом ездят проситься и за Фр[анк]-К[аменецко]го)¹.

Я (оторопев). Очень приятно.

Стр[уве]. Я не имею честь знать Вашей диссертации (улыбаюсь), но счел своим долгом сообщить Вам, что в Германии вышла такая-то книга того-то, и она подтверждает Ваши выводы (смеюсь).

Я. Вы очень любезны. Благодарю Вас. — Затем мы мирно болтаем, и я не вижу никакого перехода между Борисом и ним. В буфете за чашкой чая застаю Жебелева и со смехом рассказываю ему о сцене только что: «А ко мне подошел представиться Струве — я же его и в лицо не знаю...» «Наверно, с комплиментом?» — перебивает иронически и всезнающе Жебелев. Я досказываю. И вот в этой улыбающейся недоговоренности старика, в этом «Знаем мы! Очнунся! Все придут на поклон!» — в этом молчаливом со-переживании и есть нерушимая связь с ним, единство интересов, кровь. Потом мы идем по дороге вместе, он — в Академию Мат[ериальной] Культуры, где он президент², я — готовить котлеты. И он-таки президент, и я-таки Ольга Фрейденберг — хоть лопни. Придет гора к Магомету, не бось! На С[офью] Л[ьвовну] это произведет помпезное впечатление. М[ежду] пр[очим], Струве делился со мной впечатлениями по поводу нек[оторых] книг, я и твердо высказывала свое благосклонное мнение, не только никогда не выдав оные, но впервые слыша имена знаменитых их авторов, — что уже труднее, и что поэтому вменяю себе в особую заслугу. Подумай, когда я этих всех людей даже в лицо не знаю, когда их ищут, заискивают перед ними, гнутя — они подходят и сами пред-

¹ Институт им. А. Н. Веселовского — образован в 1919 г. при Петроградском университете, в 1921 г. переименован в Научно-исследовательский институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока (ИЛЯЗВ). В 1923 г. при очередной реорганизации ИЛЯЗВ потерял имя А. Н. Веселовского, но долгое время по привычке и, вероятно, из-за своего громоздкого названия продолжал неофициально именоваться Институтом Веселовского или бывшим институтом Веселовского. Василий Васильевич Струве (1889–1965) — востоковед-египтолог, исследователь древнеегипетских папирусов, впоследствии академик (1935), ученик П. К. Коковцова и Б. А. Тураева, после смерти последнего в 1920 г. возглавил кафедру Древнего Востока в Петроградском университете. Сотрудничал во многих научно-исследовательских учреждениях Петрограда-Ленинграда, в том числе председательствовал, наряду с Казанским, в секции древнего и ирано-эллинского мира ИЛЯЗВ. Египтолог и гебраист И. Г. Франк-Каменецкий (1880–1937) был зачислен в ИЛЯЗВ сверхштатным действительным членом по представлению Струве 25 мая 1925 г.

² С. А. Жебелев был одним из основателей Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК), занимал в академии несколько административных должностей, был товарищем (заместителем) председателя ГАИМК до ноября 1928 г., когда был вынужден покинуть это пост в связи с инспирированным властями скандалом по поводу публикации Жебелевым некролога Я. И. Смирнову в сборнике, издаваемым Семинарием им. Н. В. Кондакова в Праге (подробнее см.: Тункина, 2000: 116–161). В письме гимназической подруге-стоматологу Фрейденберг называет должности упоминаемых ученых, заботясь больше об их пышном звучании, нежели о фактической точности. Товарищ председателя ГАИМК становится у нее «президентом», как именовался только глава Академии наук и т.д.

ставляются! Это великий символ, ты увидишь. Я так смеюсь над этим! Один или сто Струв — что в том? Работа живет, пускает ростки, мысль оправдывается, — а все остальное такая жанровая смехота... Ты помнишь, мы говорили? Да, я дурно о них не думаю, я им всем добрая, если хочешь, сестра; я их не осуждаю никого; просто они увидят, что одно-два крупных имени скажут им «не бойся, откройся пониманию» — и они откроются, поймут; поймут, и не поймут, как это не понимали раньше. Новизна их пугает. Это автомобиль для деревенской лошади.

Да, но мне до их признания дела нет. Моя дорога в стороне, п[отому] ч[то] я из тех, которые рискуют, и гусь свинье не товарищ. Ничто не изменится в моей жизни, если они хором прокатят меня на диспуте, и ничто не изменится, если они хором увенчают меня. Меня нисколько не задевает это, не щекочет. Я только делаю. Реагировать так или иначе — это уже их дело, и касается только их. Но я, стоящая в стороне, нигде не бывающая, нарушающая своим аскетизмом все их нормы общежития, — когда ко мне подходит такой гусь, то это таки «кувед»¹, ибо подходят только как к автору в чистом виде, без корысти, без пользы для себя, — только по побуждению... И уже одним этим моя жизнь чище их, и этой крупницей отсутствия лжи она уже оправдывает свой тяжкий ход. И потом, еще одна мысль по поводу этого символа: подумай, нам в жизни даны нек[оторые] люди только для того, чтоб мы тосковали о них, чтоб мы пихали в них все свое самое дорогое, чтоб мы разверзали перед ними свою внутреннюю душу, — и они слепы, глухи, немые. Одни не устаивают, другие отвечают жалкими крохами, третьи ведут объяснения и счеты, внося тебя в реестрик. В конце концов, мы начинаем презирать всех (для упрощения!), мы показываем тыл всем. И встретишься вдруг с простаком, с человеком совершенно ординарным: трах! искра именно здесь. Вус? вер? вен?² — этого ты так никогда не узнаешь. Почему, когда я принесла рукопись Ф[ранк]-К[аменецкому], самое драгоценное, что может дать мне жизнь, — он влез в ванну и, вообще, не удостоил?³ И почему эта ординарная детина, Струве, читая немецкого ориенталиста⁴ в Публичной Библиотеке, сидел и думал обо мне? (П[отому] ч[то] он подошел ко мне уже вторично, в виде результата). И в ту секунду, когда он говорил со мной,

¹ Слава, почет, уважение — идишистское заимствование из иврита, ивр. — *кавод*, на идише *ковед* или *кувед*.

² Что? кто? когда? (*идиши*).

³ Речь идет о работе по теории сюжета, написанной в 1925 г., но опубликованной в конце 1980-х гг. (Фрейденберг, 1988: 216–237).

⁴ Струве мог читать в Публичной библиотеке одного из двух немецких ориенталистов. Либо это был Hugo Greßmann, немецкий библиист, опубликовавший рецензию на книгу Сентива в «Theologische Literaturzeitung» (Greßmann, 1924: 437–438), либо Max Löhr, гебраист и теолог, чья рецензия вышла в следующем году в «Orientalistische Literaturzeitung» (Löhr, 1925: 158–160).

я смотрела на него, как на Х. У. З. и думала (точно так же в 1919 г. я думала, глядя на чужого Фреймана¹): если б этому человеку я давала то, что тому, если б стучалась так же и взывала так же, — как поступил бы он? И ответ ты знаешь: потому что Ф[ранк]-К[аменецкий] разве подошел бы к безвестному, в стороне стоящему человеку, представиться, да еще будь он главой русских египтологов и председателем в Институте? А впрочем, черт его знает. Может на поверхности это все легче и лучше, а хам-то лежит (и не хам, а ординарность) в глубине, и чем глубже вексель, тем больше расплата... Да, это вернее всего; на известных градусах благородны многие, а на иных — почти никто.

Среда 1-го. Сволочная судьба! Мало для одного человека туберкулеза легких и горестей неудавшейся жизни, мало маминой болезни — еще перспектива гарантированной слепоты. Была сегодня у Беллярминова²... Глаукома в начале; через неделю снова к нему; в глазу давление, как основной признак. Лекарства соответствующие, старые отменил. Природное расположение — как я тебе говорила. На вопросы отвечал уклончиво, да и мы говорили, как два авгура. Я спокойна совершенно.

Боже мой, эти приемные докторов — умирающие от чахотки, слепые, гноящиеся! Если б растения и животные имели докторов, — какая гармония, подумаешь, мира! Да, гармония, п[отому] ч[то] все ужасы дисгармоний притыканы по приемным врачей, духовников, судебных камер, под ночными подушками. Мораль — вздор, зло и добро выдуманы одураченным человечеством. Нужно пить, есть и жить с кем попало, пока все эти органы еще «гармоничны». Или заниматься наукой — пока можешь. Какое счастье, что я не замужем! Какое счастье, что у меня нет детей! Это великое утешение в спазматические минуты нужды, гонений судьбы, болезней. Какое счастье, что никто не связался со мной, что бремя мое никто не тащит рядом невинно, что я никого не сделаю несчастным, не буду разрывать себе сердце при мысли о голодных не пригретых детях. Это такое счастье, что я, думая о себе, постоянно удивляюсь, как у меня есть хоть оно. А остальное — мой стиль, линия моей жизни, ее единая идея.

¹ Фрейман Арнольд Арнольдович (1879–1968) — российский филолог-иранист, основатель отечественной школы сравнительно-исторического иранского языкознания. Речь идет о драматическом периоде в жизни Фрейденберг, когда она решает покинуть университет, но затем следует совету, даже настойчивой рекомендации И. О. Орбели: «Иосиф Орбели, брат Рубена, востоковед, ругал меня и не допускал моего ухода из университета: я благодарна ему на всю жизнь. Восточный факультет богат, говорил он; не нравится античность, идите на арабский, персидский, кавказский, на любой цикл, но университета не бросайте.

Я сделала попытку пойти к Фрейману на персидский, но увидела, что не в состоянии. В конце концов, я возвратилась к греческому, но шла боком, со стороны Жебелева и Буша, с которыми уже не расставалась» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 3: [51]). Подробнее см. также: Брагинская, Костенко, 2019: 183–189.

² Беллярминов Леонид Георгиевич (1859–1930) — выдающийся врач-окулист, один из основателей отечественной офтальмологии.

8/VII. Ун а нэк¹. Надо кончать. Вижу, что надо написать еще столько же. Порхаю легким мыслем. Вчера была Гозочка², прямо с экзамена. Работает для искупления мира. Сегодня снова к Белляримину — фигура, входящая отныне в мою жизнь à la Юлиус³; его лекарства не помогают. Серия трехрублевков. У нас жара, пекло. Сашка⁴ увозит свою даму на юг, а мы будем сторожить сокровища Нибелунгов. Что даст маме на дачу — врет: не на что съездить искать и дать задаток. Голова от духоты не варит, заниматься не могу, уходят драгоценные годы...

**Ольга Фрейденберг — Елене Лившиц,
[Ленинград, начало сентября 1927 г.]**

Елена Лившиц, Бога ради не приходи как можно дольше, я боюсь за мимченьку. Выжди и после ее поправки, пока не пройдет нужный интервал. <...>

Вчера, когда ты сидела у татар, я варилась на заседании⁵. Это был символический в моей жизни день, достойный Леонида Андреева⁶, если б тот был талантлив и со вкусом. Ах, что это был за кошмар. Я словно проснулась, хотя и до сих пор не спала. Но бежать уже поздно: стены упали. Помнишь, я говорила, надо бежать, пока они еще стоят: теперь поздно.

¹ «Без конца» (*южный идиш*).

² Имеется в виду «Розочка» — Роза Семеновна Лившиц (1897–1993), младшая сестра Елены, врач.

³ Один из многочисленных братьев семейства Гозиассонов, за двумя из которых, Луи и Германом, были замужем двоюродные сестры Фрейденберг по материнской линии: Елизавета и Августа Якобсон. С Юлиусом Фрейденберг познакомилась еще в 1909 г., а после революции он чрезвычайно настойчиво, но безуспешно, добивался ее руки. Она вспоминала о нем: «Это был “млодый чловек”, прокутивший волосы и зубы в Варшаве, не умевший говорить ни на одном языке. Он носил “лаузенпроменад”, то есть припомаженные остатки волос на пробор, “пинкснэ” (как он называл пенснэ), цветок в петлице и белые гетры поверх лакированных ботинок; на руках — белые перчатки. <...> Мы употребляли его выражения “дикство”, “я писал писем”, “я живу хорошо, хорошо ем, делаю туалетам, пью своем стаканам чаем”, “обзорванный” (оборванный), “бутюлочка”, “с хорошему дому” (невеста ему требовалась из хорошего дома). Я составляла грамматику его языка, по образцу Гомера и Геродота, и посылала дяде [Л. О. Пастернаку]. Юлиуса все знали, все им интересовались, запрашивали, заставляли сообщать его новые достижения. Это была целая полоса жизни, это был веселый фольклор, — тот шут, который сопутствует страждущему герою» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 5: [15]). Выражение, приведенное в письме чуть выше: «порхаю легким мыслем», по-видимому, также принадлежит Юлиусу.

⁴ Александр Михайлович Михайлов, старший брат Фрейденберг, подробнее о нем см.: Брагинская, Костенко, 2019: 194, примеч. 2.

⁵ Речь идет о заседании группы сотрудников секции (позже группы) Древнего и ирано-эллинистического мира (позже Древнего мира) в ИЛЯЗВ, занимающихся изучением Гомера в свете яфетической теории («Гомер и яфетическая теория»). Эта группа-секция была организована в 1926 г. Б. Л. Богаевским, и в ней принимали участие и античники (Н. П. Баранов, М. С. Альтман, Б. В. Казанский, Н. Н. Залесский, К. М. Колобова), и востоковеды (В. В. Струве, И. И. Мещанинов, В. К. Шилейко). Результаты работы группы опубликованы в четвертом томе «Языка и литературы» (1929). Подробнее см. Богаевский, 1929: 1–20.

⁶ Андреев Леонид Николаевич (1871–1919) — русский писатель Серебряного века.

Ведь все это я знала и раньше. Но знание — одно, а видение — другое. Настает миг, художник кладет последний штрих, картина оживает. Нужна какая-то доделанность, законченность деталей, всегда «еще что-то», чтоб вдруг прозреть или ожить. Где я? с кем я? в чем? — это знаешь, но и это еще не все. Еще штрих, еще одно заседание, еще раз эти же люди + нечто еще.

Был Шилейко¹ — улицезрела. Сволочь. Возможно, что гениален, как говорят хором; хотя хоровое признание есть уже знак предостерегающий. Но как ужасно, если он и взаправду гениален! Тогда нужно повеситься: или добродушная посредственность, или, значит, гениальная сволочь. Между прочим, он обидел Фр[анк]-Камене[ц]кого, и тот неожиданно дал сильнейший отпор: у него тяжело заболела жена², и он был вне себя, за собственными пределами. Вспыхнул подлинный скандал.

Было тяжело и душно. Это был странный вечер: как-то вдруг обнажилось полное одиночество, бездна между моей наукой и их, словно я сидела у гистологов или химиков; все говорили, кроме меня, — я сидела так, как сидела бы, придя туда, ты; я даже не улавливала, о чем они говорят; иногда мелькало в голове, что ведь из всех присутствующих только у меня одной и есть работа по Гомеру³, а на гомеровском заседании, за весь вечер, за пять часов разговоров, у меня нет ни единой мысли, ни единого слова вставить. Там сидел весь цвет университетской интеллигентности, и не в смысле цензов, а сливки ума, остроумия, понимания; уж здесь не лошади, здесь не оправдаешься ни профессиональностью, ни средой. Оазис, Мон-Блан; если наш университет — лучший сок России, то это еще выжимка из этого сока. Ни одного друга, ни одной

¹ Шилейко Владимир Каземирович (1891–1930) — русский востоковед, поэт и переводчик, второй муж А. А. Ахматовой. В воспоминаниях Фрейденберг описывает это заседание так: «Одно из ранних заседаний “Гомера” мне особенно запомнилось. Тогда еще на них присутствовал Шилейко, длинный, чахоточный, лохматый, с большой палкой в руках. Он мне очень не понравился: в нем чувствовалась позировка и необъятное тщеславие — две вещи, которых я не прощаю. Позже я узнала, что Франк-Каменецкий дружил с ним и вкладывал в эту дружбу всю душу, а Шилейко покинул его (как меня — Быховская); это была глубокая травма Франк-Каменецкого, от всех скрывавшаяся. Так вот, однажды, на одном из заседаний у Богаевского, еще в присутствии Шилейко, вошел Франк-Каменецкий и рассказал, что его жена тяжело заболела, при смерти. Все замерли. Шилейко сказал что-то оскорбительное. Сам Франк-Каменецкий, среди поднявшихся вопросов и сочувствий, держался сдержанно. Я была страшно поражена случившимся» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 7: [21 об–22]).

² Дора Михайловна Франк-Каменецкая.

³ Работа, о которой идет речь, написана в 1922 г., ее название приводится в Curriculum vitae, приложенном к диссертации: «Литературный генезис “Одиссей”». В марте 1927 г. в «Гомеровской» секции Богаевского Фрейденберг делает доклад, представляющий собой экстракт из этой большой работы. Впоследствии он опубликован в рамках коллективной труда секции: Фрейденберг, 1929: 59–74. «В Одиссее мой внутренний глаз неожиданно стал видеть тавтологию мотивов. Но то, что наиболее изумило меня какой-то математической достоверностью, заключалось в законах композиции сюжета (а то и целого жанра): достаточно узнать композицию, чтоб узнать содержание» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр.:11 об.–12).

привязанности, ни одного сочувствия! Кучка пошляков, с отсутствием самого примитивного духовного вкуса; тщеславные, актеры, ничтожества, карьеристы. Ярмарка тщеславия, подхалимство, трусость; один лижет зад у другого, чтоб выслужиться, а за спиной готов удавить. Альтман¹ садился к Шилейке в профиль (он у него красив), взбивал кудри, томно стонал, стараясь быть «интересным». Они все, эти мужчины, кокотки, с вечно алчущей душой показного блеска, с жаждой самопродажи, с неутомимыми поисками все новых и новых поклонников. Они хотели бы бегать ночью по Невскому, стреляя в прохожих своими фальшивыми докладишками и мыслишками — эти проститутки от науки. Символично, что вечер закончился после оскорбления взволнованного Франка [т. е. Франк-Каменецкого], совместным походом в пивную Шилейки, председателя (бывшего при Франке за него и против Шилейки, но Ф[ранк]-К[аменецкий] ушел раньше), еще одного ничтожества и Альтмана, которого никто из старших не приглашал, но который клокотал, кипел, шумел и переливался (он почти и незнаком с 3-мя из них, в том числе и с Шилейкой виделся лишь раз) и который «уцепился» из тщеславия и полного отсутствия достоинства.

Ах, это ли все! Сегодня — они друзья, через час — они предатели; их сердце — весы мелочного торговца, падающие и поднимающиеся в зависимости от копеечных гирь. До трамвая ты имеешь у них успех, но уже в трамвае ты замечаешь, что их нос вытягивается. Это биржа с вечной нервной игрой на повышение и понижение, где ни за чье отношение нельзя ручаться; университет — это биржа, где деловито стоят на одном месте и толкаются, сами создавая эфемерные ценности и сами же их колебля.

Но не таковскую напали. В этой игре ажиотажа тщеславий и трусости они меня не заденут: плевать я хочу на них всех, и если рука моя еще цела и чиста от удара, то потому, что не настало время хлестнуть их. Чхать мне на них всех,

¹ Альтман Моисей Семенович (1896–1986) — филолог, специалист по античной и русской литературе, переводчик, поэт. Учился в Бакинском университете у Вячеслава Иванова, в 1924 г. был командирован в ИЛАЗВ, сотрудничал также в Яфетическом институте, ГАИМК и др. научных и учебных учреждениях Ленинграда. Фрейденберг вспоминала о нем: «...в середине ноября 1925 г. на лекции Марра появился Альтман, молодой человек блестящего остроумия и понимания, но моральное ничтожество, жулик. Впрочем, я, как и все тогда вокруг Марра, была им очарована. Я с ним тесно подружилась [так!]. В его лице я нашла доброго товарища, блестящего собеседника, человека смелой и свежей мысли. Как ученик Вячеслава Иванова, он был создан из какой-то смеси устаревших литературных течений, — мистики, формализма и, главным образом, эротики, — вкупе с идеями Марра и “теорией каламбура”» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 6: [31 об.]). В другом письме Е. С. Лившиц Фрейденберг с горечью пишет о ссоре с ним: «Сегодня порвала навсегда с Альтманом — он объявил, что навсегда. И опять повторение Быховской — без прощанья, без подачи руки. <...> Не то жестоко, что Альтман или Ихиль Шомес мерзавцы; ну и пусть, черт с ними, мне с ним не венчаться. Жестоко со стороны жизни, что всякий маяк всякой остановки заводит только на мель, что надежды, только что осевшие на чем-то и в ком-то, обращаются в пепел, что каждая иллюзия — ах, каждая, с таким трудом создаваемая, — разбивается так легко и примитивно» (Архив О. М. Фрейденберг, Москва).

все они могут провалиться — нет для меня ни лагерей, ни красок, все они одинаковая сволочь, в прошлом ли, в настоящем ли.

Я почувствовала освобождение. Да, освобождение! Тяжко сердцу, этапы его в крови. Но закал! Но свобода!

Я одна! Попытки к сближению кончаются, вне меня, фиаско. Значит я так и должна быть одна — в этом моя планида.

Кладу водораздел между собой и ими. Я их увидела: кончено. <...>

Теперь за работу. Я уже неделю не работала.

Итак, до «когда-нибудь», а может быть и до скорого. Учись принимать страдания за карту, которую нужно бить. Крепко целую.

Твоя Оля.

**Ольга Фрейденберг — Елене Лившиц,
[Ленинград, август 1928 г.]**

<...>

О себе ничего не могу сказать тебе веселого. Я уже даже не чувствую себя в мрачном периоде; мне начинает казаться, что это норма, что моя жизнь такой была, есть и будет. Это то, что Байрон называл «спокойствие отчаяния»¹ и к чему я так часто возвращаюсь. В часы ночных итогов и прогнозов своих судеб я только одним утешаюсь и умиряюсь: это... ты понимаешь, мыслью о тебе... И о возможности для тебя счастья...

Уже были и прошли дни моего полного освобождения, совсем так, как говорила ты. Моя душа исполнилась легкости и света, точно птица, взлетевшая к поднебесью; я не могу тебе сказать, что это было; в сущности, ничего; но от возможности снова пережить это «ничего» душа становилась невесомой и прозрачной. Я вернулась к себе; я обрела снова свой мир и мир²; далекими-далекими стали все последние события и их действующие лица. Потом, я кончила работу³; и как всякое большое завершение, оно прошло в ряд с обыденным и ничем не дало о себе знать, — словно так и нужно. Но час оценки пришел невзначай, и вдруг то, что неверным светом показывалось еще

¹ Байрон Дж. Ты счастлива (1808, пер. Плещеева):
Ты пристально в лицо мне посмотрела;
Но каменным казалось оно.
Быть может, лишь прочесть ты в нем успела
Спокойствие отчаянья одно.

² До реформы орфографии в 1918 г. разное написание этих слов предполагало разное значение: мир как отсутствие ссоры, несогласия, войны и мир в значении общество, человечество, вселенная.

³ «Семантика сюжета и жанра», первый вариант «Поэтики сюжета и жанра», имела еще и другое название «Прокрида». Её Фрейденберг объясняла так: «я хотела поставить во главу угла мысль о различиях, которые оказываются тождеством (новый возлюбленный Прокриды предстает перед нею, как ее старый муж)» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 6: [80 об.]).

в первые дни работы и угасало в годы ее процесса — вдруг оно заговорило, как громкоговоритель, прямо мне в уши, хочу я этого или нет: что работа значительна и еще не поддается отчету, как не поддавалась охвату до момента претворения. И сразу же озарило внятное ощущение недостаточности сказанного в ней — в прямой, именно в прямой, пропорции к ее значительности. Шевельнулось глухое бессознательное предчувствие большего, неоформленное видение следующих работ, даже их основная суть; обожгло, взволновало, угасло. Но след остался; и — что бывает со мной только в самые большие минуты — остался в мгновенном ощущении великого, на миг задевшего меня своим крылом, и в ответном переживании своих сил, подготовленных к величию. В этот день я простила все; и ничтожество, незадолго до этого причинявшее мне такую сильную боль, вызвало у меня чувство жалости и... как всегда в такие минуты... готовность к терпению и претерпеванию. Стоял теплый солнечный день; я была свободна и далека от человека¹, с которым в саду сидела — в том саду, где была уязвлена дважды непереносимо. Я говорила о науке, о новых замыслах большой, еще не поддающейся форме, работе, о будущей работе, в которой я хочу взять свою душевную ось научным материалом. Разговор углубился, отошел от всего личного; а когда оно прилило снова и я отказалась от встреч у Р[аисы] В[икторовны]², то сначала был протест, а потом ответ, что боязнь потерять общение со мной так велика, что все, любые, условия принимаются.

<...> Потом пошли будни. Первая радость освобождения отошла. И хотя я «отделилась» вполне, разоружив от иллюзий все воспоминания и обескровив встречи, все же, вне всякого содержания, в полной форме, стали возвращаться состояния души, близкие недавним. Именно потому, что они уже были лишены всякого содержимого, я увидела (да и раньше понимала это), что все пережитое было просто «внутренней лепкой» во внешнем; что дело не в том или ином событии или человеке, а в ходах моей внутренней жизни — в моей физиологии и психике; а это — а это остается и после освобождений или преодолений. Такое дотрагиванье до души свинцовой тоски или холода настоящей горести — уже не проходит и не забывается. Что-то темное, не живое есть в этих прикосновениях, — и тогда начинаешь понимать вечный фонд разрушенья, который тщательно скрывают от других и культивируют для своего отчаянья душевно-больные.

Из этих состояний возвращаешься к жизни с постоянной настороженностью перед рецидивом; жалеешь людей, покидаешь высоты, отказываешься от требований и трезвости, чтоб чем-нибудь приласкать свое и чужое сердце. Как перед большим и настоящим горем, забываешь мелочь надежд и упований,

¹ И. Г. Франк-Каменецкий, подробнее о нем см. Брагинская, 2019: 161–162.

² Шмидт Раиса Викторовна (1897–1941/42) — близкая подруга Фрейденаберг, филолог-классик, историк и археолог. (Подробнее о ней см.: Хршановский, 2016: 535–542).

всякого рода реализаций или побед. В виде частности и эпизода идешь с работой к Марру. Смотришь, как сквозь бинокль, на движущуюся толпу псевдо-создателей, на мнимые увлечения, мнимые иерархии и заслуги, на суету подражательной деловитости; и, вспоминая о себе, что ты сидишь в приемной с работой — плодом интуиции и догадок, — за которой столько страстного и страстного пути (зависит только от ударения, которое ставила Жизнь), — чувствуешь себя рукой зрителя, вытянутой к биноклю. Естественно: речь о них, а не о тебе; там — игра и напряжение перипетии; ты оживаешь, как правомочное лицо, только у вешалки, где тебе выдают, по предъявлению твоего номерка, твое верхнее платье и по номеру калоши. Между тобой и ими вечная договоренность контакта, при вечном несливании и разделе.

Смешно говорить! Марра эта работа интересует, как прошлогодний снег¹. Он оставил ее у себя для прочтения, — это значит, что я оставила ее для прочтения на его столе, где каждый подойдет и безответственно возьмет из нее или из примечаний любое, нужное ему, место. Не оставить — значило принести ее обратно домой без всякого продвижения вперед. Только и делать, что обратно приносить, освобождая от чужих рук, свои идеи, свое сердце, свои доклады, наконец, и свои книги — это тяжело! Не проще ли, раз моя внутренняя судьба идет наперекор внешней и сердце зависит от ничтожеств, а мысль от бездарности — оставить все свое самое дорогое на чужом столе, для общего пользования? Быть может, это окажется легче, чем «борьба за освобождение» и кристаллизация. На всех фронтах я биться не в состоянии.

Тем более, что сегодня, при огромной аудитории, Марр рекомендовал заниматься и по всем вопросам обращаться к его ассистенту, Софье Львовне Быховской.

С кем и о чем говорить? Что им доказывать? К чему взывать? Ведь когда меня определили в институт на 24 р. жалованья, то Софья Львовна, мой друг, бывавший у меня в доме и сочувствовавший моей бедности, — нашла, с научной точки зрения, несправедливым².

<...>

¹ В воспоминаниях Фрейденберг так описывает свой разговор с Н. Я. Марром о «Прокриде»: «Как только книга была мною написана, напечатана на машинке и сброшюрована, я взяла ее и повезла в Академию мат[ериальной] культуры Марру, Он надел очки и стал перелистывать.

— Метод? Метод какой? — сердито, почти угрожающе спрашивал он.

— Генетический, ответила я. Он остался не совсем доволен. Следовало ответить “палеонтологический”, но я не хотела внушать ему мысль о подражательстве его целям и выводам. Его легко было обмануть, но я его не обманывала.

Нельзя сказать, чтоб Марр был рад или заинтересован этой книгой по литературной теории. <...>

Я попросила его напечатать Прокриду. Он обещал. Я попросила его прикрепить Прокриду к Яфетическому институту. Он обещал. Я уехала от него, несмотря на обычный дружелюбный прием, без всяких надежд» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 7: [44 об.]).

² Фрейденберг иронизирует над Быховской, которая «с научной точки зрения» теперь считала ее недостойной даже мизерного жалования.

Ольга Фрейденберг — Софии Поляковой,
Ленинград — Щорск (Украина), 27 июля 1936 г.¹

27 VII 36

Роман Ленинграда пошел стереотипно: в то время, как он наиболее разгорячился, ему был вылит на голову ушат воды. Люди не верили своему счастью. Мама меня разбудила диким возгласом: «Оля! Оля! дождь!!» В нем было больше значительности, чем в мистериальном возгласе жреца ἡ παρθένος ἔτοκεν, αὐξεί φῶς². Впрочем, цитата, как всегда, неудачна; нужно было привести другую — ὕει κύει.³

2 VIII

Дорогая Соня!

Вот сколько прошло времени. Сегодня получила Вашу вырезку (звучит по шейлоковски!)⁴. Трескалась ужасно. Я давно о ней знала, но не читала. Выпад против умершего Буша⁵ вызвал во мне такое негодование, что я сейчас же отправила в адрес президиума Ак[адемии] Н[аук] филиппику, где давала (на имя Горбунова)⁶ собственную интерпретацию метафорам 'раболепия' и 'двурушничества', отнюдь не восходящим к палеонтологии. Пусть, сволочи, выкушают, двурушники проклятые, 'товарищи' и 'друзья', двойники преисподней⁷.

¹ Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 12–15 об.

² Косьма Иерусалимский со ссылкой на Епифания Кипрского рассказывает об эллинском мистериальном обряде, совершавшемся под землей в полночь. Выходя из подземелья, участники ритуала восклицают: «Дева родила, Свет возрастает» (*древнегр.*) (Cosmas Hierosolymitanus, *Commentarii in Gregorii Nazianzeni carmina*, 52. 53–57).

³ «Дождит, беременит» (*древнегр.*). Тайное сакральное восклицание из сценария Элевсинских мистерий; его приводит Ипполит Римский в «Опровержении всех ересей» (*Hippolytus, Refutatio omniu haeresium*, 5.7.34).

⁴ О какой газетной статье идет речь, установить не удалось; слово «вырезка» намекает на условие займа (кусоч живой плоти заемщика Антонио) в «Венецианском купце» Шекспира.

⁵ Буш Владимир Владимирович (1888–1934) — литературовед, фольклорист, краевед, библиограф, участник Пушкинского семинара С. А. Венгерова, сотрудник Книжной палаты, участвовал в создании Ташкентского университета (1920–1922) и в работе Саратовского университета (1924–1931). Во время партийной чистки в 1933 г. был исключен из рядов ВКП(б) как бывший кадет, был потрясен этим решением, дважды обращался с просьбой о пересмотре своего дела. В 1934 г. решение об исключении его из партии было наконец отменено, но он уже был тяжело болен и вскоре скончался. Фрейденберг очень высоко ценила его как преподавателя и как человека, поддерживала и навещала его во время смертельной болезни, в ее архиве сохранилась небольшая статья о нем «Настоящий учитель: (памяти В. В. Буша)», 1936 г.

⁶ Горбунов Николай Петрович (1892–1938) — советский партийный и государственный деятель, ученый-химик, академик и секретарь АН СССР (1935). В 1938 г. арестован по «делу альпинистов» и расстрелян.

⁷ Палеонтология — в яфетической теории так назывался метод исследования доисторической семантики. Фрейденберг иронически переносит термины палеонтологической семантики (двойники преисподней и др.) на своих коллег.

А Берков¹! Это о нем говорится, ибо его статья по-немецки, фигурировавшая на первом месте в списке трудов (перед защитой) не могла быть прочтена председателем академиком Орловым² за незнанием немецкого языка. Но Берков адовый трус. Узнав, что моя книга поперхнулась³, он перестал мне звонить и не дал своей книги. Только, когда он узнал (ошибочно, конечно!), что это из-за опечаток⁴, он позвонил, чтоб проститься перед отъездом. Книгу же обещал осенью дать — она лежит для меня, но просто у него не было случая мне ее дать в течение 2-х месяцев... Боясь малого, он влез в большое: это совершенно Эзоповская тема!

Пока ничего нового нет. Теофраста цензура вернула, не разрешив. Воспоминания о Марре *idem*.⁵ За пер-

С. В. Полякова.
1930-е гг. Фотография из личного дела.
ОА СПбГУ

¹ Берков Павел Николаевич (1896–1969) — литературовед, библиограф, специалист по русской литературе XVIII в., работал во многих научных и образовательных учреждениях Ленинграда, в том числе преподавал в ЛИФЛИ, позже заведовал кафедрой русской литературы в ЛГУ, с 1933 г. и до конца жизни оставался сотрудником Института русской литературы (Пушкинский Дом). На кафедре классической филологии в ЛИФЛИ вел семинар по технике научной работы. В 1936 г. защитил докторскую диссертацию «Ломоносов и литературная полемика его времени, 1750–1765» (Берков, 1936). Берков опасался не зря, в 1938 г. он был арестован как «австрийский шпион», провел в заключении 14 месяцев.

² Орлов Александр Сергеевич (1871–1947) — литературовед, специалист по древнерусской литературе, профессор МГУ, академик АН СССР (1931), с 1931 г. — заместитель директора Института русской литературы (Пушкинский Дом), с 1933 г. — руководитель отдела древнерусской литературы.

³ В 1936 г. была опубликована «Поэтика сюжета и жанра», а позже в «Известиях» — рецензия на нее Ц. Лейтейзен «Вредная галиматья». Такая рецензия могла стоить и жизни, и свободы. Легкость, с которой Фрейденберг пишет об этих грозных событиях и проработках, поражает. После рецензии многие коллеги и сотрудники опасались здороваться с Фрейденберг и сесть с ней рядом.

⁴ После письма Сталину Фрейденберг вызвали в Москву к начальнику Главлита Б. М. Волину, с книги был снят запрет, а остановка ее продажи была мотивирована незначительными, исправимыми опечатками. Ленинградский цензор предложил внести исправления и выпустить второе, «исправленное», издание, чтобы закрыть тему. К изумлению цензора, Фрейденберг отказалась. Историю «конфискации» «Поэтики» см.: Брагинская, 1997: 421–433; сцену у ленинградского цензора см.: Braginska, 2017: 315–317.

⁵ *Idem* (лат.) — то же самое. Имеется в виду научный перевод «Характеров» древнегреческого философа Теофраста, подготовленного в ходе семинара, который Фрейденберг вела со студентами-отличниками: С. В. Поляковой, Б. Л. Галеркиной, Н. В. Моревой, О. А. Гутан и др. «Характеры» вместе со вступительной статьей Фрейденберг и статьями ее учениц были изданы только в 1941 г. в составе сборника кафедры классической филологии ЛГУ (Фрейденберг, 1941). «Воспоминания о Марре» опубликованы спустя полстолетия, см.: Фрейденберг, 1988: 181–204.

вое я буду кусаться (а бумага-то ждет не дождется, звонит, требует: не знаешь, где найдешь, где потеряешь!)¹. С Т[еофрасто]м понятно. Это, к сожалению, настолько занимательная вещь, что она должна была явиться первой рукописью, которую цензор прочел действительно. Остальное — следствие. Но опухоль доброкачественная; по-видимому, нас ждет полный успех — было бы скучно, если б начиналось удачей. Что же до Марра, то я без смеха не могу думать об этом. Там не пропускают намеков на Яфет[ический] Инст[итут]² и его вельмож; а и делов-то всего лишь то, что я говорю, что с известного времени перестала там бывать. Доходчиво, значит! Это не может не доставлять удовольствия. Я знала, что не пропустят. Но тут я буду упряма. Для некурящего человека фимиам также противен, как и махорка. Впрочем, я еще не видела ни той, ни этой рукописи и не знаю конкретно, что преступно. После внесения поправок Горлит опять просмотрит; а в Теофрасте ничего не может быть, — очевидно, у меня что-то еретическое, но я настаивать не буду и охотно согласна что угодно и сколько угодно изменять и выбрасывать.

«Дело» о моей книге, по-видимому, переслано в Москву и закончено рассмотрением в Обллите³. Я, конечно, ничего больше не знаю. Только контроль над моими работами стал в цензуре значительно жестче. Я, впрочем, к этому вопросу перегорела и впала в безучастность.

Хотела выслать Вам потрет Деборина⁴, снятого на траурной трибуне при похоронах великого Карпинского⁵. Но мама со слезами на глазах умоляла сделать это лично, боясь, чтоб фото не пропало. Кстати о душной погоде. Вы получили мою задыхающуюся открытку? Сегодня опять началось. Я, с апотропической целью, то ищу дачу, то хожу в курортные бюро. Первый раз клюнуло: на другой же день пошел дождь и наступила передышка. Сегодня я повторила; что-то будет завтра?

В ЛИФЛИ⁶ держит одно существо, которое я должна поддержать. Пришлось съездить в это пекло. Меня сразу же делают главным экзаменатором... по русской и западной лит[ерату]ре. Чем кончится эта авантюра, не знаю.

¹ Историю чудом добытой для публикации перевода Теофрастовых «Характеров» бумаги см. в письме С. Поляковой: Костенко, 2018: 145–148.

² Основан в 1921 г. Н. Я. Марром, переименован в 1931 г. в Институт языка и мышления им. Н. Я. Марра, ныне Институт лингвистических исследований РАН.

³ Речь о «Поэтике сюжета и жанра» и реабилитации книги, с запретом, однако, автору печататься большими тиражами и вне университетского издательства.

⁴ Деборин Абрам Моисеевич (1881–1963) — советский философ-марксист. Деборину Фрейденберг писала в январе 1929 г. в связи с «Прокридой», найдя в книге «правительственного философа и диктатора мыслей» то, что фактически проводила в своих работах (по-видимому, это был марксистский извод гегельянства).

⁵ Карпинский Александр Петрович (1847–1936) — геолог, академик (1896) и первый избранный президент Российской академии наук (с 1917). Похороны состоялись 17 июня 1936 г., в них приняли участие высшие руководители СССР и лично И. В. Сталин. Урна с прахом захоронена у Кремлевской стены.

⁶ Ленинградский институт философии, литературы и истории, был выделен из ЛГУ в 1931 г., а затем снова с ним слит в 1937 г. В 1932 г. Фрейденберг пригласили организовать в нем кафедру классической филологии.

<...> Умней, как всегда, Сарра¹. Где Вы думаете она проводит лето? Вы угадали, в Крыму. Но ведь ей нужна среда, а не Пятница, и перспектива одинокой робинзонады ее мало привлекает. Поэтому не ищите ее на поверхности суши или моря. Она tief in d'r Erd². Она поднимает свою квалификацию. Она находится на производственной практике. Да, да, она копает. Но она хочет уметь копать не дилетантски, а чтоб стать специалистом; латынь и греческий ей нужны только, как источники, понятые ею в увязке с копаньем, совсем по-Гезиодовски: «концы и начала, страшные, мрачные»³. Итак, она получает от ЛИФЛИ сотни рублей в качестве моральной поддержки за блестящую успеваемость по новому учению о языке ак[адемика] Мещанинова⁴, и едет в Керчь с ГАИМК'ом. Там удивляются, но терпят; под конец ее назойливость начинает обращать на себя внимание, от нее бегут люди и поезд, но она пользуется и этим. В промежутке она кончает курсы по копанью, и без скандала не обходится и там. Но какое мастерство она покажет нам этой зимой! Что же до Ив[ана] Ив[ановича] Мещ[анино]ва, то в годы питания горохом мы говорили: «Авиатор (mille pardons!⁵) авиатора видит из ватера».

И. И. Мещанинов.
Архив О. М. Фрейденберг,
Москва

¹ Шмерлинг Сарра Моисеевна (1915–19??) — студентка, в ЛИФЛИ поступила в 1933 г., после окончания школы ФЗУ Канонерского судоремонтного завода по специальности слесарь. Участница скандала на кафедре, связанного с директивой местного партсекретаря о завышении отметок «детям рабочих» и занижении «детям служащих». Получив у И. М. Тронского и Фрейденберг двойки по древним языкам, «Саррочка созвала собрание студентов и назвала наш поступок “откровенной вылазкой классового врага”. Там же раздавались громовые речи против аристократа Толстого» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 8: [83 об.]). Кафедру сотрясали собрания и обследования, Фрейденберг писала А. А. Жданову... В марте 1936 г. С. Шмерлинг была исключена из ЛИФЛИ «за нетактичное поведение с преподавателем», но в апреле того же года восстановлена.

² Глубоко в земле (*смесь идиша с нем.*)

³ Гесиод. Теогония, 738–739.

⁴ Мещанинов Иван Иванович (1883–1967) — археолог, ученик и преемник Н. Я. Марра, возглавивший после его смерти Институт языка и мышления, академик АН СССР (1932). По сведениям Фрейденберг, именно Мещанинов инспирировал разгромную рецензию в «Известиях» на «Поэтику» и дальнейшую травлю этой книги и ее автора.

⁵ Тысяча извинений! (*фр.*)

Я, сколько времени хватает, дую над Erga¹! Но его не так много. Библиотека, Гастроном, неприятности, неисчерпаемое море экстренных дел и т. д. Застряла, было, на басне², но несколько счастливых догадок выручили. Впрочем, это писанье для умалишенных. По-видимому, говоря совсем серьезно, нашу невинную работу, довольно элементарную и совершенно простую, еще лет 10 будут воспринимать как бред. Мои лучшие друзья, люди, меня любящие, впадают от моей книги в меланхолию и советуют мне отдохнуть. Над этим нельзя не задуматься. Видно, дело не в фактах, не в опыте; я всегда вспоминаю, как Гарвей³ делал сотни демонстраций кровообращения — и это видели воочию, щупали, но никакого впечатления не испытывали, и знали только догму Галена. Дело в различных планах мышления. Такая простая вещь кажется абракадаброй, как то, что отвлеченные понятия были когда-то конкретными образами. В этом пункте стоп. И мы обречены жульничать, считая себя Эмпедоклами⁴, когда так легко заставить нас сказать что-н[ибудь] более новое и более остроумное. — Я рада, что Вам пришлось по желудку Шпенглер. Мы, значит, можем понимать друг друга. Он имел для меня большое биографическое значение. Когда я его читала, мне казалось, что солитер, нажитый мною от омофагии сырых источников, начинает шевелиться и доводить до обморока. С тех пор я любила меряться с немцем по части дуализма науки и искусства. Я говорю Вам, что от науки у меня всегда было тяжело под ложечкой, а к искусству кровь и кости дали мне все, если не считать дарованья. Но за то, что он так меня взбудоражил и раздражил солитера, я люблю мстить немцу. Так вот, вольно же ему понимать науку по-цеховому. А что, если наука одна из форм искусства? Дуализм раздут. И наука может стать а-причинной, да она такая и есть⁵. Я вспоминаю свою гному: какая разница между искусством и наукой? — в искусстве важно не «что», а «как», в науке же не «как», а... «кто». Так думают и Fach'и⁶.

¹ Имеются в виду «Труды (Erga) и дни» Гесиода, над монографией о Гесиоде Фрейденберг в это время работала.

² Одна из глав монографии о Гесиоде: Фрейденберг, 2007: 126–156.

³ Гарвей Уильям (William Harvey, 1578-1657) — английский ученый-медик, основоположник физиологии и эмбриологии, открыл кровообращение, доказав, вопреки утверждениям древнеримского медика Галена, что кровь циркулирует по организму.

⁴ Эмпедокл — гениальный и при этом эксцентричный сицилийский философ V в. до н. э. Он был прославлен «чудесами»: воскрешением бездыханной девушки, историями о переселении собственной души, причислением себя к бессмертным и богам. Вероятно, Фрейденберг сопоставляет собственное поведение с Эмпедокловым «жульничеством», потому что новые и остроумные мысли воспринимаются с большим трудом и их «прохождение» нужно обставлять показом «фокусов», пафосом, зашифровывать мысли образным языком.

⁵ О восприятии Шпенглера Фрейденберг см.: Брагинская, 2019: 166–167.

⁶ Т.е. специалисты (нем.).

Я была настолько на сломе, что задумала ехать — ощутить свободу, «вырваться». Три дня я ездила, с проспектом интуриста в руках, по Крыму и Кавказу, по Волге и Каме, побывала на Алтае и останавливалась в Харькове и Москве. Это успокоило меня и почти исцелило. Я счастлива, что все разъехались и я нахожусь в провале времени. О занятиях и съезде думать не могу. Хочу украсть сентябрь. Ах, нам дают идиотское воспитание с установкой на καλὰ κ' ἀγαθὰ¹, а жизнь совсем что-то другое, а жизнь мелка, как знойная река, и добродетельно-цинична; зуб можно вырвать; а сердце? Положим, и сердце; но вкус, что сделать с простым отвращением и тошнотой? Желая помочь себе, я отвечаю: «Писать Гезиода». Итак, «досвиданье», и утешайтесь тем, что педология еще хуже. Вам не казалось всегда, что это ножная наука, à la педикурия? Шлю Вам и Вашей маме товарищеский привет и надеюсь, что Вы отдохнули и пополнили. Я уверена, что мама Вам очень кланяется. Ваша ОФ.

[P.S.] Вводят штатно-окладную систему, и главной считается не педагогическая, а научная работа. Наши поручения полетят. ЛИФЛИ до 1937 г. не сольют. Истфак отходит к ЛГУ. Я должна писать какую-то записку.

В городе ад, не приезжайте. Спасите папу.

**Ольга Фрейденберг — Софии Поляковой,
Ленинград от 5 июня 1937 г.²**

5 июня 37

Соня, дорогая, я хочу, чтоб Вы знали, какой страшное несчастье принесла мне смерть Израиля Григорьевича³. Тяжкая ноша ложится на меня: дожить жизнь. Но как это выйдет, не знаю.

Я его любила и была им любима. У нас было полное, глубокое понимание друга, общие мысли, общая наука. Только два человека на свете работали так, как мы, и мы оказались в одном городе, в одно время. У нас было исключительное понимание и родство.

7-го июня — 13 лет, как И[зраиль] Г[ригорьевич] пришел впервые в мою квартиру, и я его увидела. Он пришел, как родной к родному, по моему письму, и за 13 лет не произошло уже больше ничего, чего не было бы в этот день. События развертывались и менялись; но встреча и любовь полностью

¹ «Прекрасное и благое» (*древнегр.*), это словосочетание обозначает человеческое совершенство в греческой этике.

² Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 28–33.

³ О взаимоотношениях с И. Г. Франк-Каменецким см.: Брагинская, 2019: 161–162.

Предположительно
И. Г. Франк-Каменецкий.
Архив О. М. Фрейденберг, Москва

осуществились в тот день¹. Так за 13 лет, с момента, как я увидела И[зраиля] Г[ригорьевича], я не переживала ни одного дня, в который я бы его не любила. Но он поддался натиску жизни, и мы повели счет только с 1928 г., когда сблизились по-настоящему. Это произошло в розовом домике в Царском. Его жена была за границей². Я была без мамы. Больше оно не повторялось. Месяц мы были свободны.

Но я тянула его за собой в свое юродство, а он подчинялся. Я верила в жизнь, в высшую силу, в огромное счастье. Я всегда видела жизнь через доверие и чистоту, и не понимала, что это сложно-сконструированный, искусственно вычисляемый точной механикой, прибор. Мы ждали ее приезда и соучастия. А приехала жизнь, бытовая, житейская, из ежедневного

¹ В воспоминаниях этот день описан так: «В мою жизнь неожиданно вошел тот, кого я ждала. В этом было что-то до того сильное и сказочное, что я могла только отдаваться непосредственному счастью. Все в нем: его голос, лицо, манера говорить и держаться, все принадлежало родному человеку и соответствовало моим мечтам, чаяниям и вкусам. Моя жизнь оказалась оправданной. Стоило страдать, жить, тосковать, испытывать одиночество и обиды, стоило хранить чистоту и молитвы, верить, ждать, переносить все, что посылала жизнь — раз это чудо сбылось, и вот оно здесь, у меня, сегодня.

Мы еще сидели вместе. Это нисколько не было похоже на обычную встречу двух ученых.

— Вот что, сказал он, по условиям моей жизни, о которых вы узнаете после, не я к вам буду ходить, а вы ко мне. Я познакомлю вас с моей женой. Вы часто будете приходить к нам, и изредка я к вам.

В другом контексте такое условие было бы невысказано. Но тут прокладывалась особая линия отношений, и начиналась конспирация близости.

Когда он встал и ушел, мне не хотелось включаться в жизнь. Во мне пела музыка. Это было больше, чем счастье. Что-то глубочайшее открылось мне. Нашему общению не виделось ни края, ни пределов. Я как-то погрузилась во все “наше”, в наше “мы” — в самое лучезарное на свете.

Все прошлое навсегда отделилось от моей жизни. Но казалось, что иначе и быть не могло, что любовь — такая — была предуказана всем ходом моего духовного бытия и нашей совместной судьбой.

В тот день я прошла весь путь нашей любви, словно время должно было только осуществить то, что уже произошло, в конкретном раскрытии. Я чувствовала во всех деталях самое большое, что несла с собой эта любовь. Тут была ее альфа и омега, а промежутки оставались за днями.

В тот день я все провидела чувством, я завершила весь круг любви. Ничего большего он не мог принести мне, потому что ничего большего и высшего уже не было у любви» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 5: [73–74]).

² Д. М. Франк-Каменецкая летом 1928 г. уехала за границу к больной матери.

обихода. Мы ушли в надежду. Отказавшись от счастья, мы оба согласно построили другой фантом — о доживании рядом вплоть до старости. Нам казалось, что, отказавшись от всего, чем жива жизнь, мы сохраним близость в консервированном виде. Мы не учли автомобиля.

Я много бунтовала за эти годы и умирала под игом ходячей семантики. Я хотела прорвать старое барахло морали, понятий, долга. Но теперь он тащил меня в честность, которой я не хотела, — и я подчинялась. Потом мы оба плакали, но коридор в ЛИФЛИ и шопот у меня в кресле стали с нами сожительствовать на равных правах с надеждами, переросли их и заняли то самое пространственное место, которое мы когда-то отдавали под счастье.

Мама не потому не любила его, что не любила. Она его чувствовала лучше меня. Но сперва она боялась несчастья жены и не вынесла бы ей «измены», а потом — я так думаю, об этом мы никогда не говорили — она не могла в душе простить, что он не сделал выбора и прижал мою жизнь к стенке. Она считала, что спасает меня, что он разбил мне жизнь, что он не способен ни любить по-настоящему, ни приносить жертв. Ах, у каждого человека своя правда, а мама жива своей, и вся страсть ее души всегда голосовала за меня. Тем она и лишила меня — не то, что счастья (о нем уже никто не думал) — но возможности больше держать руку И[зраиля] Г[ригорьевич] в моей руке, чем я успела за 9 лет.

Никто не думал о транспорте! Лодка Харона, между тем, приняла форму автомобиля.

9 лет я не ездила в Царское. Меня обманула реалистическая метафористика. Я спостила, я прочла ее, как читает Ив[ан] Ив[ано]вич античный текст, за спасибо здравому смыслу. А реальности никакой не было: мамина болезнь, выезд, поиски дачи налетели сверху покровом пыли. Шла большая и подлинная работа судьбы. События ей не синхронистичны. Между свершением их и между чувственным осуществленьем их во времени и в пространстве проходит некий промежуток. По-видимому, события сперва полностью и до конца свершаются, а потом, как гром, обращаются в реальность, долетая до наших органов восприятия в виде каких-то чувственных, — подобно атмосферическим, — явлений. Этот блеск молнии и грохот грома мы называем реальностью.

Да, у судьбы своя физика. За месяц до несчастного случая — Израиля Григорьевича уже не было.

Я ездила вдруг в Царское, и почему-то заходила в наше прошлое, нанимала его на месяц или два, смотря по погоде, вопреки всякой логике — или именно только по ней. Изр[аиль] Гр[игорьевич] не хотел этого и просил. Он чего-то боялся. Мы оба, анализом здравого смысла, решили преодолеть пустяки.

На перроне начинали распаковывать его гроб, но я прошла мимо, хотя и содрогнулась¹.

Потом нас обоих нужно было подготовить. У меня стало нарастать чувство конца. Я совершенно явственно, через чувства, свободные от сознания, ощутила, что событие совершилось. Но я, конечно, неправильно это объяснила, как только взялась за сознание. А он доделывал последние дела. В нем засел ужасный, темный страх. Он заживо разлагался. Работа не шла. Последнюю лекцию он провел с огромнейшим трудом и сокрушающим чувством бесполезности. Не находил себе в жизни места. Темен был до невероятия. День за днем шли распад жизни и страх ужасного неведомого.

Потом нужно было прощаться. И последний раз он пришел ко мне 27 мая. Вдруг прорвалась тьма. В его сердце хлынули потоки тишины и света. Он всю нежность дал мне, всю кровь сердца. Был светлый, спокойный, счастливый и без конца близкий. Мы обменялись всем самым дорогим.

Прощанье в ЛИФЛИ произошло 28-го. Я ему рассказала, как была накануне взволнована чем-то особенным по глубине и чувству, что произошло вчера. Оказалось так: к вечеру на него снова накануне «нашло»; ему было тяжело, страшно, душно. Я же села и поехала окончательно поселиться в розовый дом.

Теперь он был грустен, тяжел. Мы мечтали об островах или садике, но это было вчера. Дул ледяной порывистый ветер. Он боялся этой погоды. Холодило. Мы укрылись в Алекс[андровском] сад[у]. Сели. Было холодно, свинцово. Мы подводили итоги, рука в руке. Он смягчился, потеплел. Говорили об интимном и настоящем. Выглянуло солнце. Живой человек так его не замечает: он чуть не плакал, говоря: «Солнце! Неужели солнце? Ах, хоть немного на солнце!» Стали расставаться — навеки. Потоптались на аллее, вспоминали ее в 1928 г., эту самую. Поговорили, как близкие, о своем. Попрощались. Он сказал: «А что, если вот, совсем спокойно, при всех людях, в губы?». Мы, среди бела дня, на виду, в саду, поцеловались в губы — и сразу разошлись по-разному.

Все остальное прошло, как обыкновенно. Это бывает перелом, а то и без перелома. Существенного значения не имеет. Как на него случайно налетела машина (он шел, сильно задумавшись), так случайно я узнала от случайного человека о несчастье. Я была спокойна. Ночью все стало ясно. Событие принимало чувственную форму. Но стекались воспоминанья, которые вдруг ударили по сознанию и заставили его угадать правду. Ничем отвратить свершенного уже было нельзя, ни кровопусканьем, ни впрыскиванием, — иначе не пропали бы даром мои исступленные молитвы. В других случаях они действуют прекрасно.

¹ Речь идет о поездке Фрейденаберг в Царское Село, чтобы снять розовый дом на лето для матери: «Мы вышли на перрон: огромный гроб преградил нам путь. Я в ужасе отшатнулась. Куда я ни хотела пройти, поперек попадался он. “Какая страшная примета”, подумала я» (Фрейденаберг, Пробег жизни, тетр. 10: [106]).

Это был чудесный человек. В нем было все, что есть от самого настоящего, глубокого, большого. Он был замкнут и лиричен, трагический, пессимист, любивший мир и спокойствие, как диабетик любит инсулин. Характер — это форма предчувствия судьбы. Теперь понятна его уступчивость и тяга к компромиссу. В ощущении вечного страха и ужаса перед ожидаемым он старался укладывать путь мягким илом, который спас бы его от кровоизлияния в сердце. Конечно же, только смерть раскрывает жизнь человека. Каким добрым, святым, мудрым и настоящим был Израиль Григорьевич! Не думайте, что я на нервах пою *laus funebris*¹. Нет, на нервах были мои аффекты и страстишки. Я болтала языком и кипела отваром из отбросов, хотя не было ничего, чего я не простила бы Изр[аиллю] Гр[игорьевичу], как и он мне. Я даже не раскаиваюсь, хотя мне и больно. Все можно было мне ему и ему мне.

Дело не в эмоциях. Ужасное горе в том, что он не успел ничего крупного создать. «Потоп» не оставил следа². Монументальная по мысли философская работа рассказана была недавно только мне, — а я воссоздать не могу.

Это доводит меня до иступленья. Я больше не могу ни работать, ни растить учеников. Ничего, чего не может он.

Я dokonчу осенью Гезиода и передам Вам. Вы будете отпечатывать на машинке, я дам вам машинистку. Работа будет у Вас. Она не увидит света при моей жизни. Она не выйдет до «Потопа». Я напишу к ней предисловие и разделю авторство с Изр[аилем] Гр[игорьевичем]. Вы будете молчать.

Греческий роман закончен навсегда. Мы как раз дочитали до слов героини, где она говорит о своей принадлежности двум богам — Эросу и Танатосу. Это то место, с которого мы начали с Изр[аилем] Гр[игорьевичем] в 1924 г. и которое нас сблизило: каждый из нас сделал эпиграфом к своим работам, не зная друг о друге, о тождестве любви и смерти.

Соня, когда Вы станете на ноги, считайте свои учителем Изр[аиля] Гр[игорьевича], как и меня. Цитируйте его, продолжайте, проводите в науку. Не дайте ему оставаться забытым. Передайте его Вашим будущим ученикам. Помните и любите его работы и его самого.

Он к Вам нежно, по-особому относился. Он мог бы Вас любить. У Вас с ним, м[ожет] б[ыть], больше душевных черт, чем со мной. Если б я умерла до него, — чего я так хотела! — он приткнулся бы к Вам. Он был всю предыдущую жизнь одинок.

Простите, Соня. Я знаю, Вы впечатлительный человек, и нужно Вас щадить. Но в роковой день Вы связались с человеком, над которым больше имеет власть судьба, чем желанья. У меня тяжелый путь.

Целую Вас.
Ваша ОФ

¹ Надгробное слово, панегирик (*лат.*)

² Речь идет о замысле книги о мифологическом мотиве, который никогда не был осуществлен.

**Ольга Фрейденберг — Софии Поляковой,
Ленинград, [31 августа 1938 г.]¹**

Соня, прошу Вас ответить мне до 8-го, как Вы представляете себе Вашу работу в аспирантуре: встает вопрос о руководителе. Если Вы желаете работать у меня, то я соглашусь при условии, что наши отношения примут чисто-академический характер. Я прошу Вас отнестись к этому вопросу очень серьезно, п[отому] ч[то] речь идет о Вашем будущем. Будьте выше самолюбия. Кроме наших личных отношений, которые не удались, важней и серьезней Ваша научная жизнь. Я пропустила: кроме наших личных отношений, существует линия Вашей будущей жизни, которая, вероятно, протянется на большее количество лет, чем прошедшая пятилетка.

Я сознаю свои ошибки и свою несправедливость. Сознаю свою слепоту и равнодушие к Вам такой, какая Вы есть. Не в обидном слове равнодушие; я не пренебрегала Вами; но я лепила Вас по своему образцу и подобию, навязывая Вам Вас — меня, а себе иллюзорно кроя подкладку (или верх — как хотите). Это было несправедливо и мало вежливо, как всякая любовь, и совсем несправедливо и невежливо в отношении к Вам подлинной. Здесь уместны все извинения и осознанность в такой же мере, — осознанность раскаяния, — как и простая горечь. Я человек, живущий в пространстве, а Вы человек, живущий в жизни. Я не замечаю людей, взаимоотношений, ситуаций; они меня мало интересуют. По-видимому, я много и нехорошо Вас задевала, обижала, была толстокожей и била по Вашей чувствительности. Но Вы знаете по моему своеобразному визиту, с какими тягостными слезами люди моего толка пробуждаются к жизни. Прошу Вас, не вносите оценки ни в это письмо, ни в его причины. Можно прекрасно относиться к человеку и сохранять самое себя. Не будем оценивать и осуждать друг друга; ни один из нас не хуже и не лучше другого.

Не усматривайте ничего для Вас обидного в том, что я прошу Вас пересмотреть вопрос о руководителе. Я по профессии профессор; как это ни грустно и ни пошло, но оно так. А у Вас долгая жизнь впереди, и я желаю ей успеха. Вы сами заметили, что я уместна и вежлива с чужими. Вам гарантированы мои услуги, с кем бы Вы ни занимались.

Желаете ли Вы быть прикрепленной ко мне или к другому лицу, я с величайшей охотой буду к Вашим услугам. Это не фраза и не отписка. Мне не хотелось бы чем-нибудь помешать Вам.

Я глубоко сожалею, что не поняла Вас и угощала блюдами, которые Вам были противны. Согласитесь признать, что бывают неосознанные неловкости и ошибки. Они вытекают, как правило, из законов параллелизма, или, что то же,

¹ Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 41–44 об.

из мимо текущих двух непересекающихся линий. С людьми это трудно; а ведь допустимо, что есть береза и липа, и это ни одну из них не тащит на скамью подсудимых. Я Вам навязывала липовый рай. В этом моя вина и оправдание.

Я глубоко равнодушна к жизни, к греческим и латинским группам, к руководителям и руководимым. Но я профессор. Если Вы, действительно, желаете чего-нибудь от меня и думаете, что я могу Вам быть полезной, то я к Вашим услугам. В этом профессиональном мире все ясно, учтиво и полно благоприятных прогнозов. Вы знаете по опыту, что, как я ни резка и вспыльчива, академическое мое поведение совсем прилично. При добром к Вам отношении и при желании добра Вашей работе я, как бы Вы ни порешили, обещаю Вам честно к Вам относиться.

О. Фрейденберг

**Ольга Фрейденберг — Софии Поляковой,
Ленинград — Пушкин (Дом творчества Литфонда), [23 апреля 1940 г.]¹**

Это письмо трагического напряжения и горькой иронии. О. М. Фрейденберг и рассчитывает на понимание, и одновременно не рассчитывает на него. Она говорит немного с собой, но останавливает себя, сдерживает отчаяние, чтобы не слишком шокировать девушку, которая к тому же слегла с туберкулезом. Обстоятельства его таковы. В 1939 г. Фрейденберг закончила монографию о «Трудах и днях» Гесиода. Уже в 1937 г. после гибели И. Г. Франк-Каменецкого она написала Поляковой (см. выше), что не станет публиковать Гесиода. И все же в 1939 г., когда книга закончена, появляется надежда на печатание, предлагают даже выдвижение на Сталинскую премию, но она отвергает такую мысль и радуется, когда слышит по радио, что Пастернака не выдвигают на эту премию². Книга была проведена через всякие советы и постановления, с великим трудом на нее выделили бумагу, но в половинном объеме. И вот начинаются требования радикального сокращения: «и я сжимала, считала буквы, делала петитом, мучилась, билась, комбинировала» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 12а: [27 об.]). Отсюда в письме появляются образы сокращения, черты и точки. Эти три слова обозначают уродование текста, отчеркивание редактором негодного текста, а точку и как конец и как знак сокращения слова. «Точка» через

¹ РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 54–56 об.

² И после записи о радиопередаче, в те времена, когда вокруг сжигают все документы бумаги и письма, она доверяет бумаге такие слова: «Сколько мне ни предлагали, еще на факультете, выдвинуть «Гесиода» или другую работу на сталинскую премию, я уклонялась. Нет, здесь я была собой. Никакая бедность и пренебрежение не могли бы испугать меня настолько, чтоб я забыла честь науки и связала труд, ей с усердием отданный, с именем презренного, низкого, кровавого тирана. Я опозорила бы этим самое дорогое, что было у меня. Быть лауреатом гасителя, душиателя науки, и с его именем связать научную работу. Нет, во мне не умирала надежда на будущее обновление и на кару убийце» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 17: [7–7об]).

отсылку к переписке сокращений Левина и Кити служит образом взаимопонимания при минимуме выражения. От целомудренного минимума выражения автор переходит к отличению сантиментов (речи без «сокращений») и «любви жизнью», суровой и без лишних слов. Но и более того, Фрейденберг хочет научить Соню мастерству и поставить точку или подвести черту, ехать «кататься на лодке Харона». Она доходит «до точки без сокращения», то есть ее истощение и отчаяние все длится и длится. Затем следует загадочная фраза: «трудно писать, только потому и не пишу» относится, видимо, к просьбам Сони писать ей письма. Но вместе с тем это и о трудности творчества вообще, когда она занята сокращением и борьбой с собственным текстом: «сокращаю и борюсь с каждой буквой».

Тяжесть от пережитого и переживаемого в эти годы, конфискация главной, как оказалось, единственной прижизненной книги после разгромной рецензии в «Известиях», запрет печататься вне изданий ЛГУ, смерть Франк-Каменецкого, ширящиеся репрессии в Ленинграде, аресты брата и его жены, удушающая атмосфера в университете. Творческое состояние, не покидавшее Фрейденберг, уходит. Она видит в Соне младенца, которого надо родить, поставить на ноги, научить профессиональному ремеслу и не отравить своим отчаянием. То, что она может написать ей в письмах, противопоказано молодому ученому. Однако щадить больную туберкулезом ученицу не получается, перо-то свинцовое. Когда она делится с Соней своими новыми мыслями, то подает их с издевкой и вывертом. Никогда они не будут опубликованы! Кому они нужны? Они и автору уже не нужны. Ни наборщиков, ни читателей не будет у ее парадоксов, а значит — вздора с обычной точки зрения. И она нарочно формулирует их в вызывающей форме.

У Гомера нет описаний — это значит, что эпический поэт, как и первые лирики, создает описание вереницей эпитетов: «В эпическом описании единственными средствами характеристики и определения служат эпитеты; стоячие, необновляемые, неизменяемые, они описывают предмет в той же мере, в какой маска на лице определяет роль»¹. Если нужно описать вооружение Париса перед поединком, то перечисляются доспехи, каждый со своим эпитетом, и части тела, на которые они надеваются. Точно так вооружается и Менелай. И вооружение Этеокла в «Семерых против Фив» Эсхила представлено так же. Никакой индивидуальности в описаниях не предполагается.

Гомеровский реализм <...> — описание описания, он антиреален. В «Происхождении описания» Фрейденберг, упоминая Б. Л. Галеркину и экфрасис, о которой та писала, говорит, что в эпосе описание дается не непосредственно «с натуры», но как описание чего-то уже изображенного одним из видов ремесла: сотканного, нарисованного, выкованного, слепленного. Эпической экфразой Фрейденберг называет словесную передачу дословесного отображения образов в дереве,

¹ Фрейденберг, 2018: 54.

камне и металле, описание более архаическим несловесным образом. В этом она видит характерную черту архаической мысли, «не перерабатывающей культурное прошлое, но наслаивавшей новое на старое <...> первое словесное описание оказывается описанием уже описанного до-словесным способом образного материала»¹.

Сравнения — от регресса. О сравнениях Фрейденаберг написала одну из немногих опубликованных при жизни работ. В ней она показывает, что сравнивающая часть, изображающая явления обыденной жизни, дает понятный, даже реалистический коррелят к миру богов и героев. Так, мирмидонцы, а в мифологической перспективе — грозные, несущие гибель, хтонические демоны сравниваются с роем ос, чье придорожное гнездо разворошили дети². Однако с точки зрения истории сознания, сравнения — «прогресс», так как «цельнокройный» мифологический образ благодаря сравнению разлагается на признаки или аспекты, по которым строится сходство. Регрессом Фрейденаберг, вероятно, именуется такие сравнения, в которых предмет вообще не описывается, а описывается в больших деталях его происхождение. Описание лука начинается с описания серны, из рога которой сделан лук, вещь описывается во всех подробностях, с полной историей ее происхождения. Охватить историю обобщенно автор еще не умеет и восходит к началу, к созданию вещи, словно к родителям человека. В этом сказывается все то же историческое неумение охватить существенные черты описываемой вещи и передать их с точки зрения нужной их стороны. По-видимому, «регрессом» Фрейденаберг называет подобное восхождение к началу вещи, которое заменяет ее описание.

Но пора развлечь Соню сатирой, посмеяться над ученой манерностью, именованьем прямого заимствования «точками соприкосновения», и дать простые указания по оформлению работы.

Сонелэ, дело не в сокращении, а в черте, которая всегда плохо действует на здоровье. А точка — благороднейшее существо. Смотрите, как поэтично: «я В. л.» Кити отдала бы жизнь за такое сокращение³! Пора Вам вообще, мой ангел, перейти от миниатюр чувства к большим батальным полотнам⁴. Впрочем, Вы на редкость хорошо понимали всегда мою «умственность» и так же на

¹ Фрейденаберг, 2018: 43.

² Фрейденаберг, 1946: 101–113.

³ Отсылка к эпизоду из романа Л. Н. Толстого «Анна Каренина», где Кити и Левин объясняются в своих чувствах, записывая целые фразы только начальными буквами слов, и без труда понимают друг друга (Ч. 4., гл. 13).

⁴ Батальные сцены упоминаются здесь в связи с работой Поляковой над образностью эпических описаний сражений; впоследствии Полякова защитила диссертацию «Семантика образности античного исторического эпоса (5 в. до н.э. — 1 в. н.э.)».

редкость не понимали моего сердца. Вам не понятен голос суровой нежности; Вы привыкли к сантиментам и даже не прочь дать высокую оценку разной «тютюлю-мутюлю». Оттого Вы и считаете, что я «начинаю Вас забывать». Увы! я люблю не чувствами, а жизнью; я ввела Вас в быт сердца; как и когда я могла бы приступить к забвенью? Вы, конечно, не можете предположить, что мне чересчур скверно, и что я дохожу до точки, но, к сожалению, без сокращения. Мне очень трудно писать, — только потому я и не пишу, и сокращаю, и борюсь с каждой буквой.

Соотношенье между нами, примерно, такое же, как у беременной с младенцем. Такие же, примерно, и возможности забыть. Хоть и забудешь, пупок останется. Это называется у племени антитютюлю любить не чувствами, а жизнью.

Конечно, мне следовало бы почаще Вам писать; но то, что я Вам напишу, противопоказано. Я страшно мучусь, что не на кого оставить маму и поехать покататься на лодке Харона. Рядом с этой актуальной темой меня ничто больше не интересует. Наука моя угасла. Мой единственный пафос — передать Вам свою бор-машину и щипцы, увидеть Вас на ногах и за работой. Ваша болезнь лишает меня и этого.

Я пишу «описание»¹. Мои последние работы вялы и бездарны. Я доказываю вздор, парадоксы, которые никогда ни один наборщик не наберет. Что в Илиаде нет описаний. Что сравнения — от регресса. Что гомеровский реализм есть Бэбин экфрасис², описание описания, что он антиреален. Кому это все нужно — не знаю; не мне, во всяком случае. Но чорт с ним, со всем!

<...> Я Вам наврала. Статья И[вана] И[вановича] не Сафо, конечно (простите за неверную цитацию!), а Сапфо. Почему не Псапфа? — я разочарована неуваженьем его к папирусу Мариетта³. И опять неверно: «Сапфо и тематика ее песен»⁴. Тематика! Не сюжеты, конечно.

Диалог:

— Софи, я думаю назвать «Псапфа и сюжетика ее песен». А?

¹ Неоконченная монография «Происхождение описания» недавно была опубликована, см.: Фрейденберг, 2018: 28–84.

² Имеется в виду ученица Фрейденберг Берта Львовна Галеркина (1914–2000), эту ее мысль Фрейденберг позже отметила в монографии «Происхождении литературного описания»: «Как подметила Б. Л. Галеркина, экфраса связана с жертвоприношением: она указала на такие экфрасы, которые либо заканчиваются приношением жертвы, либо находятся с ним в смысловой увязке» (Фрейденберг, 2018: 51). Предположительно эта мысль была высказана Б. Л. Галеркиной в ее кандидатской диссертации «Агон в структуре греческой трагедии» (1945), защищенной под руководством О. М. Фрейденберг в ЛГУ, но не утвержденной в ВАК.

³ Знаменитый египтолог Огюст Мариет (Mariette, 1821–1881) — первый глава Египетского музея в Каире, еще в середине XIX в. нашел фрагмент первого Парфения Алкмана на папирусе, в который была завернута мумия крокодила (P. Louvre 3320). См. также примеч. ниже.

⁴ Толстой, 1939: 20–31.

— Жан, не надо. Пахнет Фрейденбергой, халтурой. А ты член-корреспондент, на тебя смотрят пирамиды. Назови «тематика».

Рукописное предание, оказалось, сильно разнится от текста. В моих руках текст, изданный по рукописи Г (ге), авторизованный надписью «с дружеским приветом»¹. В нем такие разночтения: весь пассаж о хоре трагедий убран. В месте, где идет речь о групповом браке, выноска: «Энгельс, Пр[оисхождение] семьи... см. О. М. Фрейденберг, Поэтика... стр. 162 сл., где автор правильно отмечает аналогичную половую и возрастную однотипность хора в греческой трагедии»². Итак, я, а не И[ван] И[ванович] автор того пассажа! Хорошо. Дальше — о прямой речи; это — «фольклорная техника»! Масса примеров. О «навеянных окружающей природой». Об Алкамане, о знаменитом Алкамане из папируса Мариетта, 1/2 строчки: и Алкман выкинут, не один хор! Словом, больше ссылок на О. М. Ф[рейденберг] нет. Понимэ-ву? Групповой брак, — на тебе ссылку. А зато Псапфа — изобретение четы, *resp.* группового брака³. Докажите теперь, что мы с Энгельсом не плагиатуем И[вана] И[вановича]! Ах, член, член! Совсем по-античному: существо, бегающее поминутно за маленьким, получает эпитетное имя 'член'. Итак, я пишу об ящерицах и рыбах, И[ван] И[ванович] скатывает у меня об ящерицах и делает выноску, где очень меня хвалит за взгляд на рыбы. Мое имя приведено. На меня есть ссылка. Герб в порядке⁴.

Переписывая вновь В[аше] Actio⁵, я вписывала латин[ские] ссылки с присущей мне тщательностью клерка, без прикрас, в точности. Написала, смотрю: какие-

¹ В письме С. В. Поляковой от 23 марта 1940 г. Фрейденберг писала: «Толстой порылся в портфеле, дает мне: «Вам это будет интересно!» Дома читаю эпитафию: «Дорогой О. М. с дружеским приветом от автора». Смотрю: «Сафо» (РГАЛИ. Ф. 3275. Оп. 1. Д. 76. Л. 45). Оттиск с автографом Толстого сохранился в архиве Фрейденберг.

² Толстой, 1939: 24.

³ Respective (*лат.*) — соответственно. Шутка в том, что Фрейденберг применяет понятие группового брака к браку двух человек, «четы», Ивана Ивановича Толстого и Софии Венедиктовны Меликовой-Толстой.

⁴ Намек на графский титул И. И. Толстого. В мемуарах Фрейденберг возвращается к докладу Толстого об Алкамане и Сафо и отмечает заимствованные у нее соображения об архаическом половозрастном характере хора, фольклорности сафических песен, сопоставлениям Алкмана с Сафо, которые именует «точками соприкосновения»: «...щепетильно цитируя всю научную литературу до малейшей статьи и высказывания, он замалчивал только мою «Поэтику», словно ее не было на свете, словно непристойно и поминать ее. Он сослался на связь Алкмана с Сафо у Боура (Bowra, 1936) и не говорил, что в том же 1936 г. эта связь устанавливалась (явно, независимо от Боура) и мною. Доклад Толстого претенциозно назывался «Папирус Мариетта», хотя парфений Алкмана давно забыл, где и на чем был найден. В ответ на мои язвительные замечания («Мне очень огорчительно, что Иван Иванович не удостоил меня авторства и упоминания») Толстой рыцарски сознался, что подаренную мной Поэтику вынужден был, не читая, дать друзьям, — ведь она была нарасхват. Однако при напечатании он поступил с ювелирной осмотрительностью: отделил Алкмана от Сафо; сослался на меня не там, где крал, а в нейтральном месте» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 11: [36–36 об.])

⁵ Имеется в виду статья Поляковой «Ораторское actio как параллель к драме» (Полякова, 1941: 87–98).

Н. В. Вулих (Морева).
Фотография из личного дела.
ОА СПбГУ

то подозрительные сокращения (а еще Вы против!) и всюду Rhode. Вы, верно, по Узенеру: Rhode — женская форма к Rhodos. Нет, Сонелэ, зол зан Rohde¹. Потом, у Вас Schröder Myst. u. Mim. 1914, а надо ведь 1908². У Вас Plut. De Is. 364 F, а надо с[ар]. 35 (этот трактат, в отличие от прочих, не пагинируется)³. Неясно, что такое Sittl. Gebärden d. Gr. u. Röm. 1890, стр. 62–63. Это Sittel⁴? Или сокращение sittliche⁵? Если Herr Sittel, почему такое пренебрежительное и невразумительное сокращение, точно Вы клерк? Поздравляю Вас также с успехами во франц[узском] яз[ыке]. Оказывается, Вы цитируете Дюркгейма в оригинале!

Ваша апатия — законная стадия недуга; не бойтесь, она сама собой пройдет без следа. Не давайте докторам, ради бога, надуть

себя. Только не это! Они все дураки, даже самые умные. Через месяц такая болезнь не проходит; не ждите и не огорчайтесь, что на нее уйдет не меньше 3–4 месяцев в самом лучшем случае. Это Kur. А эта болезнь уходит восвояси в Nachkur'e⁶.

Врач, лечащий Гутан⁷, сказал мне, что ее положение очень серьезное, угрожающее прободением, и тогда крыша, как говаривал Юлиус. Я только что удручилась, как Бичунский⁸ велел ей встать и бродить, — а ей запрещено было пошевелиться! В общем, ей погано: ребенок, очереди, дряхлая нянька. Муж взял отпуск и неотлучно при ней. От худобы у нее опустились органы. Но если прободения не произошло, Бичунский прав, и тогда она поправится.

¹ Должно быть (*идиш*) — Rohde, 1900.

² Schroeder, 1908.

³ Трактат Плутарха «Об Исиде и Осирисе».

⁴ Sittl, 1890.

⁵ Нравственный, моральный (*нем.*).

⁶ Kur (*нем.*) — лечение, Nachkur (*нем.*) — долечивание. Фрейденберг перенесла туберкулез в 1911 г.

⁷ Гутан Ольга Александровна (1900–1990) — ученица Фрейденберг, закончила Константиновскую гимназию в 1917 с золотой медалью, затем работала на разных конторских и счетоводческих работах. В ЛИФЛИ поступила в 1933 г., после окончания в 1939 г. — в аспирантуру, весной 1940 г. серьезно заболела язвой желудка.

⁸ Бичунский Иосиф Меерович (Миронович) (1869–19??) — врач, специалист по желудочным болезням.

Диссертация Филиппа¹ ввергает меня в беспокойство, но сам он полон царственной безмятежности. Уже апрель. Через 2 месяца кончается аспирантура, а на руках нуль.

У Natalie — *mania gloriosa*². «Проблемы» принимают мировой масштаб. Она уже говорит мне о своем «одионочестве, которое, впрочем, понятно, если принять во внимание грандиозность ее задач и степень вводимой ею в науку новизны». Мы все, в ее обрисовке, старые клячи, закорузлые регрессисты, бревна, старый хлам. *Ex oriente lux*³! В чем дело — непонятно. Кажись, открытия выражаются, прежде всего, в каких-то конкретных результатах, в новых фактах. Но о них не слышно⁴.

Засим обнимаю Вас и желаю бодрости. Я очень благодарю Т[ину] Я[ковлевну]⁵, что она мне позвонила и рассказала о Вашем быте.

Поправляйтесь, дышите ротом, загорайте на талом снегу. Чмок!

Ваша клеркша.

Мама Вас обнимает, пишет Вам.

¹ Яковиди Филипп Георгиевич (март 1905, Турция — 1942), ученик Фрейденберг, грек, из рабочих, учился в ЛИФЛИ, поступил в аспирантуру, которую окончил в сентябре 1940 г. как классик-лингвист, преподавал на кафедре, тема диссертации «Инфинитивные формы греческого глагола», но диссертацию так не написал. Умер в эвакуации.

² Мания величия (*лат.*).

³ Свет с Востока (*лат.*).

⁴ Речь, вероятно, о Наталье Васильевне Вулих (Моревой) (1915–2012), которая училась у Фрейденберг, но в 1936 г. после конфискации «Поэтики сюжета и жанра» ушла от нее к И. М. Тронскому: «Это была куклообразная хорошенькая девушка, любившая блеск. Она уже на I курсе делала научные доклады, самоуверенно выступала и умела “подать” себя. Из культурной семьи (дочь очень известного детского врача и прекрасного человека), она знала иностранные языки, была начитана, могла научно работать. <...> Теперь Морева резко прекратила посещения моих занятий. Мало того. Считая, что я погибла, она перестала раскланиваться со мной... <...> Со временем этот отпрыск поповской семьи (по отцу и по матери, отцы которых были крупными царскими иереями), эта внучка расстрелянных и замученных священников, дочь антисоветских родителей и сама глубоко антисоветская, пройдет в партию, выйдет замуж за молодого профессора и делается (под фамилией Вулих) моим политическим надзирателем, шпионом и провокатором» (Фрейденберг, Пробег жизни, тетр. 10: [19 об.–20]). В описываемое время училась в аспирантуре, которую закончила в 1941 г. Возможно, речь идет о ее диссертации о творчестве Катулла, которую она представила в 1942 г., но не смогла защитить во время войны. Диссертация, защищенная в 1946 г., называлась «Поэзия Катулла (интерпретация и стилистические наблюдения)».

⁵ Тина Яковлевна — мать С. В. Поляковой, ум. в 1954 г.

Литература

- Берков П. Н. (1936) Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750-1765 / Акад. наук СССР. Ин-т лит-ры. Москва; Ленинград: Изд-во Акад. Наук СССР.
- Богаевский Б. Л. (1929). Гомер и яфетическая теория // Язык и литература. Т. 4. С. 1–20.
- Брагинская Н. В. (1997). «...Имеют свою судьбу» // Поэтика сюжета и жанра / О. М. Фрейденберг. М.: Лабиринт. С. 421–433.
- Брагинская Н. В. (2017). «У меня не жизнь, а биография» // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 4 (25). С. 11–38. (Arbor Mundi: международный журнал по теории и истории мировой культуры; вып. 23)
- Брагинская Н. В. (2019). Друзья, университет, учителя, коллеги, наука, жизнь в общем в письмах Ольги Михайловны Фрейденберг // Философические письма. Т. 2, № 2. С. 159–171.
- Брагинская Н. В., Костенко Н. Ю. (публ.) (2019). Ольга Михайловна Фрейденберг. Письма 1911–1940 гг. / публ. и коммент. Н. В. Брагинской, Н. Ю. Костенко // Философические письма. Т. 2, № 2. С. 172–204.
- Костенко Н. Ю. (2018). Три письма Ольги Фрейденберг / публ., вступ. ст. и коммент. Н. Ю. Костенко // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». № 3 (36). С. 138–152.
- Пастернак Б. Л. (2000). Пожизненная привязанность: переписка с О. М. Фрейденберг / [сост. Е. В. Пастернак, Е. Б. Пастернак]. М.: Арт-Флекс.
- Полякова С. В. (1941). Ораторское астио как параллель к драме // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Ленинград: Изд. ЛГУ. Вып. 7 (№ 63). С. 87–98
- Толстой И. И. (1939). Сапфо и тематика ее песен // Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук. Ленинград: Изд. ЛГУ, 1939. Вып. 1 (46). С. 20–31. Переизд. в: Толстой И. И. Статьи о фольклоре. М.; Л.: Наука, 1966. С. 128–141.
- Тункина И. В. (2000). «Дело» академика Жебелева // Древний мир и мы. СПб.: Алетейя, 2000. С. 116–161
- Фрейденберг О. М. (1929). Сюжетная семантика «Одиссеи» // Язык и литература. 1929. Т. 4. С. 59–74.
- Фрейденберг О. М. (1946). Происхождение эпического сравнения (на материале Илиады) / О. М. Фрейденберг // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филол. наук. Л. С. 101–113.
- Фрейденберг О. М. (1988). Система литературного сюжета / подгот. текста Н. В. Брагинской // Монтаж: Литература. Искусство. Театр. Кино. М.: Наука. С. 216–237.
- Фрейденберг О. М. (1988). Воспоминания о Н. Я. Марре / предисл. И. М. Дьяконова; публ. и примеч. Н. В. Брагинской // Восток–Запад: Исследования. Переводы. Публикации. М.: Наука. С. 181–204.
- Фрейденберг О. М. (2007). Басня / [публ. подгот. Н. В. Брагинская при участии Ю. В. Крайко] // Синий диван. № 10–11. С. 126–156.
- Фрейденберг О. М. (2018). Происхождение литературного описания; Фрагмент / Ольга Фрейденберг; публ. и примеч. Натальи Костенко при участии Нины Брагинской // Теория и история экфрасиса: итоги и перспективы изучения: колл. монография / Ин-т рег. культуры и литературовед. исслед. им. Францишка Карпиньского в Седльцах [и др.]. Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego. С. 28–84.
- Фрейденберг О. М. (ред.) (1941). Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук / отв. ред. О. М. Фрейденберг. Л. Вып. 7.

- Хршановский В. А. (2016). Раиса Викторовна Шмидт. Страницы забытой жизни // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования / ред.-сост. Зинько В.Н., Зинько Е.А. Керчь. С. 535–542.
- Bowra C. M. (1936). Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides. Oxford: Clarendon Press.
- Braginska N. W. (2017). Postać i spuścizna Olgi Frejdenberg // Polska — Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice : труды конференции. Warszawa. : Wydział „Artes Liberales”, Uniwersytet Warszawski. P. 315–317.
- Greßmann H. (1924). [Rezenzion] // Theologische Literaturzeitung. Nr. 20. S. 437–438. Rez.: Saintyves P. Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l’Ancien et le Nouveau Testament. Paris : É. Nourry, 1922.
- Löhr M. (1925). [Rezenzion] // Orientalistische Literaturzeitung. Bd. 28. S. 158–160. Rez.: Saintyves P. Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l’Ancien et le Nouveau Testament. Paris : É. Nourry, 1922.
- Rohde E. (1900). Der Griechische Roman und seine Vorläufer. 2. Aufl. Leipzig : Breitkopf und Härtel.
- Saintyves P. (1922) Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l’Ancien et le Nouveau Testament. Paris : É. Nourry.
- Schroeder L. von. (1908). Mysterium und Mimus im Rigveda. Leipzig : H. Haessel
- Sittl C. (1890). Die Gebärden der Griechen und Römer. Leipzig: B. G. Teubner

Архивы

- РГАЛИ. Ф. 211 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 358. Л. 1–11; Д. 258. Л. 1–9
- РГАЛИ. Ф. 3275 (Л. К. Ильинский). Оп. 1. Д. 76. Л. 12–15 об.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 10 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 2.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 11 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 3.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 12a // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 4.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 17 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 156. Folder 8.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 3 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 5.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 5 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 6.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 6 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 7.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 7 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 8.
- Фрейденберг О. М. Пробег жизни. Тетр. 8 // Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers. Box 155. Folder 9.
- Электронный архив Ольги Михайловны Фрейденберг // Электронный ресурс [код доступа]: <http://freidenberg.ru/Vход> (дата обращения 4 декабря 2019).

**OLGA MICHAILOVNA FREIDENBERG.
LETTERS FROM YEARS 1911–1940**

Edited and commented by

N. V. Braginskaya (Higher School of Economics)

*and N. Ju. Kostenko (Institute of Higher Humanitarian Studies
of the Russian State Humanitarian University)*

The second publication of the selected letters by O.M. Freidenberg (see the first: Vol. 2. № 2. Pp. 172–204) covers years 1925–1940 and includes only two recipients — a gymnasium friend Elena Semenovna Livshits, and a student, later the famous scientist, Sofya Viktorovna Polyakova. In letters to Livshits in 1925–1928 Freidenberg was a novice scientist, in letters to Polyakova (1936–1940) — a professor. However, both there and there, the view on the academic milieu was unlike the “hagiographically solemn” style of memoirs of students and obituaries of colleagues. To the habit of writing parodies and comic texts in the circle of gymnasium friends, the stinging satire of the Swift sample is added. This is a sharp and pointedly subjective, but unexpected sharp-sighted look at the humanitarian academic environment of Leningrad.

Keywords: O. M. Freidenberg, V. V. Struve, V. K. Shileiko, M. S. Al'tman, S. V. Polyakova, I. I. Tolstoy, S. A. Zhebelev, I. G. Frank-Kamenetskiy, N. Ya. Marr, S. L. Bykhovskaya, O. A. Gutan, N. V. Vulikh, B. L. Galerkina, epistolary.

References

- Berkov P. [Bercow P.] (1936) Lomonosov i literaturnaja polemika ego vremeni. 1750–1765 [Lomonosov and the Literary Controversy of his Time. 1750–1765], Akademija nauk SSSR. Institut literatury. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR [Academy of Sciences of the USSR. Institute of Literature. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences] (in Russian).
- Bogaevskij B. [Bogaevsky B.] (1929) Gomer i jafeticheskaja teorija [Homer and the Japhetic Theory], Jazyk i literatura [Language and Literature], Vol. 4, pp. 1–20 (in Russian).
- Braginskaja N. [Braginskaya N.] (1997) “...Imejut svoju sud'bu” [“...Have their Own Destiny”], O. M. Freidenberg, Pojetika sjuzheta i zhanra [Poetics of plot and genre], Moscow: Labirint, pp. 421–433 (in Russian).
- Braginskaja N. [Braginskaya N.] (2017) “U menja ne zhizn', a biografija” [“I Have not Life, and Biography”], Vestnik Rossijskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta, Serija “Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie” [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, Series “History. Philology. Culturology. Orientalism”], no 4 (25), pp. 11–38

- (Arbor Mundi: international journal of the theory and history of world culture, iss. 23) (in Russian).
- Braginskaja N. [Braginskaya N.] (2019) Druz'ja, universitet, uchitelja, kollegi, nauka, zhizn' v obshhem v pis'mah Ol'gi Mihajlovny Frejdenberg [Friends, University, Teachers, Colleagues, Science, Life in General in the Letters of Olga Mikhailovna Freudenberg], Philosophical Letters. Russian-European dialogue, Vol. 2, no 2, pp. 159–171 (in Russian).
- Braginskaja N. [Braginskaya N.], Kostenko N. (publ.) (2019) Ol'ga Mihajlovna Frejdenberg. Pis'ma 1911–1940 gg. [Olga Mikhailovna Freidenberg. Letters 1911–1940 years], Ibid., pp. 172–204 (in Russian).
- Kostenko N. (2018) Tri pis'ma Ol'gi Frejdenberg [Three letters of Olga Freudenberg], Vestnik Rossijskogo Gosudarstvennogo Gumanitarnogo Universiteta, Serija "Istorija. Filologija. Kul'turologija. Vostokovedenie" [Bulletin of the Russian State University for the Humanities, Series "History. Philology. Culturology. Orientalism"], no 3 (36), pp. 138–152 (in Russian).
- Pasternak B. (2000) Pozhiznennaja privjazannost': perepiska s O. M. Frejdenberg [Lifelong affection: correspondence with O. M. Freudenberg] (comp. E. V. Pasternak, E. B. Pasternak), Moscow: Art-Fleks (in Russian).
- Poljakova S. [Poliakova S.] (1941) Oratorskoe actio kak parallel' k drame [Actio of oratory as a parallel to the drama], Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Serija filologicheskikh nauk, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific notes of Leningrad State University Series of philological Sciences. Leningrad: Leningrad State University Press], Iss. 7 (no 63), pp. 87–98 (in Russian).
- Tolstoj I. [Tolstoy I.] (1939) Sapfo i tematika ee pesen [Sappho and the Theme of her Songs] Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Serija filologicheskikh nauk, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific notes of Leningrad State University Series of philological Sciences. Leningrad: Leningrad State University Press], Iss. 1 (46), pp. 20–31 (in Russian).
- Tunkina I. (2000) "Delo" akademika Zhebeleva ["Case" of Academician Zhebelev], Drevnij mir i my [The Ancient World and Us], Saint-Petersburg: Aletejja, pp. 116–161 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (1929) Sjuzhetnaja semantika "Odissei" [The story semantics of "The Odyssey"], Jazyk i literatura [Language and Literature], Vol. 4, pp. 59–74 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (1946) Proishozhdenie jepicheskogo sravnenija (na materiale Iliady) [The origin of the epic comparison (on the material of the Iliad)], Trudy jubilejnoj nauchnoj sessii Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Sekcija filologicheskikh nauk [Proceedings of the Jubilee Scientific Session of Leningrad State University, Section of Philological Sciences], Leningrad, pp. 101–113 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (1988) Sistema literaturnogo sjuzheta [The system of literary plot] (comp. N. Braginskaya), Montazh: Literatura. Iskusstvo. Teatr. Kino [Installation: Literature. Art. Theatre. Cinema], Moscow: Nauka, pp. 216–237 (in Russian).

- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (1988) *Vospominanija o N. Ja. Marre* [Memories of N. Y. Marr], *Vostok–Zapad: Issledovanija. Perevody. Publikacii* [East-West: Studies. Translations. Publications], Moscow: Nauka, pp. 181–204 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (2007) *Basnja* [Fable] (comp. N. Braginskaya, Yu. Kraiko), *Sinij divan* [Blue sofa], no. 10–11, pp. 126–156 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (2018) *Proishozhdenie literaturnogo opisanija; Fragment* [The origin of the literary description; a Fragment] (comp. N. Kostenko, N. Braginskaya) *Teorija i istorija jekfrasisa: itogi i perspektivy izuchenija: kollektivnaja monografija*, Institut regional'noj kul'tury i literaturovedcheskih issledovanij im. Francishka Karpin'skogo v Sedl'cah [Theory and history of ecphrasis: results and prospects of study: collective monograph, Siedlce: Instytut kultury regionalnej i badań literackich im. Franciszka Karpińskiego], pp. 28–84 (in Russian).
- Freidenberg O. [Freudenberg O.] (edit.) (1941) *Uchenye zapiski Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Serija filologicheskikh nauk*, Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo Gosudarstvennogo Universiteta [Scientific notes of Leningrad State University Series of philological Sciences], Leningrad: Leningrad State University Press, Iss. 7 (in Russian).
- Hrshanovskij V. [Hrzhanovsky V.] (2016) *Raisa Viktorovna Shmidt. Stranicy zabytoj zhizni* [Raisa V. Schmidt. Pages of a forgotten life], XVII *Bosporskie chtenija. Bospor Kimmerijskij i varvarskij mir v period antichnosti i srednevekov'ja. Issledovateli i issledovanija* [XVII Bosporan readings. The Cimmerician Bosporus and barbarian world in the period of antiquity and middle ages. Researchers and research] (edit., comp. V. Zin'ko, E. Zin'ko), Kerch', pp. 535–542 (in Russian).
- Bowra C. M. (1936). *Greek Lyric Poetry from Alcman to Simonides*. Oxford: Clarendon Press.
- Braginska N. W. (2017). *Postać i spuścizna Olgi Frejdenberg // Polska — Rosja. Poszukiwania nowej tożsamości. Podobieństwa i różnice : труды конференции*. Warszawa. : Wydział „Artes Liberales”, Uniwersytet Warszawski. P. 315-317.
- Greßmann H. (1924). [Rezenzion] // *Theologische Literaturzeitung*. Nr. 20. S. 437-438. Rez.: *Saintyves P. Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l'Ancien et le Nouveau Testament*. Paris : É. Nourry, 1922.
- Löhr M. (1925). [Rezenzion] // *Orientalistische Literaturzeitung*. Bd. 28. S. 158-160. Rez.: *Saintyves P. Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l'Ancien et le Nouveau Testament*. Paris : É. Nourry, 1922.
- Rohde E. (1900). *Der Griechische Roman und seine Vorläufer*. 2. Aufl. Leipzig : Breitkopf und Härtel.
- Saintyves P. (1922) *Essais de folklore biblique : magie, mythes et miracles dans l'Ancien et le Nouveau Testament*. Paris : É. Nourry.
- Schroeder L. von. (1908). *Mysterium und Mimus im Rigveda*. Leipzig : H. Haessel
- Sittl C. (1890). *Die Gebärden der Griechen und Römer*. Leipzig: B. G. Teubner

Архивы

RGALI. F. 211 (L. K. Il'inskij). Op. 1. D. 358. L. 1-11; D. 258.

RGALI. F. 3275 (S. V. Poljakova). Op. 1. D. 76.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 10, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 156. Folder 2.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 11, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 156. Folder 3.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 12a, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 156. Folder 4.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 17, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 156. Folder 8.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 3, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 155. Folder 5.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 5, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 155. Folder 6.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 6, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 155. Folder 7.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 7, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 155. Folder 8.

Frejdenberg O. M. Probeg zhizni. Tetr. 8, Hoover Institution Archives. Pasternak Family Papers.
Box 155. Folder 9.

Jelektronnyj arhiv Ol'gi Mihajlovny Frejdenberg, Available at: <http://freidenberg.ru/Vxod> (accessed 5 June 2016).